

**БОГДАН
СУШИНСКИЙ**

ЗАГОВОР

ОБРЕЧЕННЫХ

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский
Заговор обреченных

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Заговор обреченных / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-7802-8

Основой сюжета романа известного мастера приключенческого жанра Богдана Сушинского стал реальный исторический факт: покушение на Гитлера 20 июля 1944 года. Бомбу с часовым механизмом пронес в ставку фюрера «Волчье логово» полковник граф Клаус фон Штауффенберг. Он входил в группу заговорщиков, которые решили убрать с политической арены не оправдавшего надежд Гитлера, чтобы прекратить бессмысленную кровопролитную бойню, уберечь свою страну и нацию от «красного» нашествия. Путч под названием «Операция «Валькирия» был жестоко подавлен. Но все ли мы знаем об этом, и так ли все было на самом деле?..

ISBN 978-5-4444-7802-8

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	16
5	20
6	23
7	27
8	29
9	32
10	35
11	37
12	40
13	44
14	47
15	50
16	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Богдан Сушинский

Заговор обреченных

*...Германский народ выдержал войны с римлянами...
Наполеоновские... освободительные войны; он выдержал мировую войну,
даже революцию... И меня он тоже выдержит.*

Гитлер

© Сушинский Б.И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

1

Пастор открыл дверь часовни и молча уставился на Штауффенберга. Он знал, что война, тяжелые травмы и предсмертный бред госпиталей превратили этого гордого аристократа в одного из наиболее искренне верующих людей его прихода, города, возможно, всей разуверившейся, сменившей Христа на фюрера, страны.

– Вы хотели, чтобы я ушел? – неуверенно проговорил он, пропуская полковника мимо себя.

– Как всегда, наедине... с ним, – зрячий глаз Штауффенберг прикрыл, устремляя в небеса черноту своей наглазной повязки.

– Мне представляется, что сегодня вам особенно трудно будет оставаться откровенным с ним.

– Вы правы, святой отец. Иногда мне кажется, что я уже давно не смею быть откровенным ни с людьми, ни с Богом. Хотя весь мой грех состоит в страстном желании избавить эту землю от Сатаны.

Пастор – седовласый шестидесятилетний саксонец, с фронтальной вмятиной на лбу, оставленной осколком еще первой мировой, отшатнулся от него и поднес кончики соединенных пальцев к ране, однако осенить ее крестом так и не решился.

– Избавить от Сатаны? – пробормотал он вслед входящему в полумрак часовни полковнику. – Неужели и сейчас находятся люди, видящие свое земное предназначение в изгнании Сатаны? Я-то считал, что это донкихотство утонуло в молитвах моего поколения.

Пастор перекрестил последнего донкихота, которого ему приходится видеть, последнего защитника всего сущего от сатаны, и, прежде чем вернуться в храм, окинул всепрощенческим взглядом старое с позеленевшими каменными крестами да надгробиями кладбище. Он всегда считал, что настоящий Божий храм должен находиться не на шумных городских площадях, а в глубинах огромных кладбищ. Прежде чем войти в такой храм, верующий обязан пройти мимо сотен могил своих собратьев во Христе, вспомнить о бренности мира и отрешиться от забот повседневности. Только тогда, надеялся он, – старый солдат, познавший окопы передовой, плен, госпитали и срам венерической палаты, – человек оказывается по-настоящему готовым к искренности своей исповеди перед Господом и к самоуничжительному покаянию.

Пастор был уверен, что этот полковник, который живет и работает в другом конце Берлина, избрал его уцелевшую среди руин дальнего предместья церковь только потому, что она спасительно восставала посреди мира мертвых. Этот искалеченный жизнью и сомнениями офицер, очевидно, не раз оказывался на той, последней грани, за которой смерть кажется уже не гибелью, а спасением.

Штауффенберг не слышал ни его слов, ни мыслей. Подойдя к распятию, он опустился на колени, однако пламя единственной зажженной пастором свечи мешало ему, ослепляя единственный глаз. Полковник поднялся, погасил пламя ладонью и, зажав в кулаке собственную, подаренную ему свечой, боль, вновь опустился на колени.

Его молитву и его исповедь лучше всего творить в крошечном мраке. Сколь бы ни было оправданным и чем бы он ни оправдывал задуманное им покушение, все же перед Господом он предстает человеком, долго и хладнокровно готовящимся стать убийцей. Здесь не фронт. Готовить покушение на человека, пусть даже он кажется тебе дьяволом во плоти, это совершенно не то же самое, что стрелять в солдата, находясь в окопе.

«Ранения и госпитали сделали тебя слишком сентиментальным и религиозным, чтобы ты способен был совершить то, что уже давно намереваешься, – пробормотал он вместо первых слов молитвы. – Но все же ты не имеешь права отступать. Кроме тебя, этого уже не сделает никто. Уже не сделает. Ты же видишь: они не способны переступить через присягу, через

верность долгу, честь офицера. Словно для тебя это пустые звуки. Словно тебе вообще не известно, что такое долг, честь, верность, приказ...»

Штауффенберг опять хочет вспомнить хоть какие-то молитвенные слова, однако никак не может ввергнуть себя в пучину памяти, которая не дарит ему ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало молитву. А все, что он может высказать себе и распятому за вселенские грехи Христу, сводится к отчаянному проклятию.

У полковника не было времени долго сосредоточиваться на своих страхах и молитвах. Он только что вернулся в Берлин из ставки фюрера. Вернулся после еще одной неудавшейся попытки покушения. Вновь неудавшейся.

Как только Штауффенберг был назначен начальником штаба армии резерва, он сразу же обрел возможность время от времени бывать на совещаниях у фюрера, именно ту возможность, которая слишком редко предоставлялась кому бы то ни было из заговорщиков-генералов.

В первый раз его приглашают в ставку «Бергхоф» уже через неделю после вступления в должность. Какой нечеловеческий страх он пережил тогда, пронся в портфеле с бумагами пакет со взрывчаткой! До этого появления в ставке он ведь так и не смог выяснить, обыскивает ли охрана фюрера портфели и вообще разрешают ли заходить в «ситуационный зал», как называли комнату для совещаний, с портфелями. Но он рискнул. Победил страх и неопределенность.

Что ни говори, а в тот, первый день у него была прекрасная возможность запустить свою адскую машину. И при этом даже попытаться спастись.

Почему же не решился? Почему... не решился?

Припав холодным липким лбом к истекающим кровью ногам распятого Христа, граф покаянно повертел головой. Это было покаяние убийцы, не решившегося, не нашедшего в себе мужества убить. Раскаяние заговорщика, не сумевшего принести свою жизнь в жертву идее.

Потом, уже вернувшись из Берхтесгадена в Берлин, граф попытался оправдать свое отступление тем, что на сборище не присутствовали Гиммлер и Геринг, то есть люди, которые после гибели фюрера могли и имели законные основания перехватить власть в Германии и продолжить его дело.

Опираясь о мраморную плиту, полковник поднялся с колен, но еще какое-то время стоял с опущенной головой. Объяснение могло показаться довольно убедительным, если бы все те генералы, которым пришлось это объяснять, верили, что он окончательно решил пожертвовать своей жизнью, изгнав из души всякий страх и сомнения. Однако они в это не верили. Поскольку сверяли свои действия с собственным страхом и офицерско-аристократическими предрассудками. Не зря многие из заговорщиков угрюмо признавались, что сами никогда бы не осмелились посягнуть на жизнь вождя нации, пронести взрывчатку или выстрелить. А ведь если бы он, Штауффенберг, не вызвался пожертвовать собой, решаться пришлось бы кому-то из них. Вот где была бы экзальтация патриотизма, замешанного на страхе.

Тогда ему явно не поверили. Словно догадывались, что свое оправдание он придумал уже по пути в Берлин. Впрочем, так оно и было – догадывались. Просто из чувства такта никто не смел высказать свои предположения вслух. Признать полковника трусом значило отстранить от операции. Но кто мог, кто способен был заменить его?

Да, раньше такие попытки предпринимались. Однако когорта добровольцев-смертников, кажется, иссякла, исчерпала себя. На сцене этого театра рейхстрагедий остался только он. В окружении целого сонма напыщенных демагогов-статистов.

Через четыре дня – это произошло 11 июля – он вновь оказался в том же зале, и вновь в его портфеле ждал своего часа пакет со взрывчаткой. Но в этот раз Штауффенберг действительно решил для себя: взрывать устройство лишь в том случае, когда рядом с Гитлером ока-

жуются Геринг и Гиммлер. И с облегчением вздохнул, убедившись, что на совещании у фюрера их вновь не оказалось.

Когда граф вернулся на Бендлерштрассе, в штаб армии резерва сухопутных сил, генерал Ольбрихт – всегда такой спокойный, сдержанный, отечески-покровительственный – неожиданно рассвирепел:

– Вам никто не смеет приказывать, чтобы вы вершили задуманное вами покушение! – хрипло воскликнул он срывающимся голосом, заводя его в свой кабинет. – В конце концов, вы имеете право отказаться от него под любым предлогом, а то и вовсе без предлога. Но вы не отказались. Наоборот, заверили нас. И теперь, как и в прошлый раз, даже не пытаетесь скрыть, что возможность, реальная возможность убрать фюрера у вас была. Так что произошло, что, что?! Мы теряем время. Завтра такой возможности у нас не появится. Уже хотя бы потому, что завтра вся наша группа окажется в подвалах гестапо.

– Я уже объяснил, господин генерал: там не было тех двоих. А если уж рисковать...

– Но ведь мы с генералом Бекком просили вас, требовали... не выдвигать это условие. В данном случае... при тех силах и той организации, которая имеется у нас, ваше условие совершенно необязательно. Мы нейтрализуем этих людей сразу же, как только дадите нам возможность подать сигнал «Валькирия».

– Но зачем рисковать, если есть шанс одним усилием убрать всех троих? Тогда уж точно никто не посмеет встать на нашем пути.

– Кто возражает, полковник? Кто в этом сомневается? Да, конечно, лучше бы всех троих. Все его окружение. Но время, полковник, время! Вы же отлично знаете, что первая волна арестов уже прошла. Фон Мольтке, Райхвайн и Лебер арестованы. Они пока молчат. Пока держатся. Гестапо все еще не удалось узнать от них ничего существенного. И никаких особых улик... Но оно уже идет по нашим следам.

– У меня есть сведения, что буквально через несколько дней состоится еще одно совещание, – мрачно молвил Штауффенберг, нервно поправляя сползающую наглазную повязку. – И, возможно, тогда...

– Никаких «возможно», полковник. Нужно действовать. Действовать наверняка. Независимо от того, на кого укажет перст судьбы, поставив его рядом с фюрером.

– Согласен, господин генерал, согласен. Простите, но вы слишком эмоциональны. У меня ведь тоже нервы... И они на пределе. Вы всего лишь ждете результата. А мне приходится проносить взрывчатку. Вы можете себе представить, что такое пройти в ставку фюрера, мимо десятков эсэсовцев из охранного батальона, каждый из которых имеет право остановить и потребовать открыть портфель...

– Не посвящайте в подробности, – холодно осадил его Ольбрихт, останавливаясь над развернутой на столе картой, словно собирался отдать приказ о мощном наступлении. – Уже хотя бы потому, что они мне хорошо известны. Но вы должны понять меня, всех нас... – он говорил уже совершенно спокойно, но при этом продолжал блуждать взглядом по карте. – В этот раз мы ведь подняли по тревоге верные нам воинские части и училища, которые должны были обеспечить переход власти в Берлине. Сигналы о высшей степени готовности ушли во Францию и к некоторым генералам с Восточного фронта. Теперь нам срочно приходится предпринимать шаги к тому, чтобы наши приготовления оказались незамеченными... Вот цена вашей нерешительности, господин фон Штауффенберг.

...Через несколько минут машина, ожидавшая полковника у ворот кладбища, должна была вновь доставить его в штаб. И полковник с ужасом думал о том, что ему вновь придется предстать пред очи все того же генерала Ольбрихта. Хорошо, если у заместителя командующего хватит нервов опять взорваться эмоциями и словесами, как в прошлый раз. А если он снизойдет лишь до презрительного взгляда? А ведь объяснение «главного исполнителя»: «Прошу прощения, господин генерал, до начала совещания у фюрера мне не удалось вставить

запал во взрывное устройство» покажутся Ольбрихту, Беку, Геппнеру, фельдмаршалу Витцлену... еще более наивными и невнятными, чем все предыдущие оправдания.

– Господин полковник, – Штауффенберг оглянулся и увидел в проеме двери фон Хефтена. – Извините, но вы просили напомнить... Нам пора.

– Ждите у машины, обер-лейтенант, – проворчал Штауффенберг.

Адъютант шелкнул каблуком и исчез.

Граф с сожалением взглянул на распятие, словно прощался с интересным, доверчивым собеседником, которому так и не успел рассказать обо всем том, с чем пришел.

– Прости меня, Господи. Кажется, я не способен ни толком согрешить, ни толком раскаяться. Что-то произошло со мной с тех пор, как... тогда, в Африке... Что-то произошло.

«Ни толком согрешить, ни толком раскаяться»... – с этой самоуничтожительной мыслью полковник и входил через некоторое время в здание штаба резерва сухопутных войск, где его с нетерпеливым подозрением ожидали разнервничавшиеся генералы.

2

Ольбрихт встретил Штауффенберга так, словно тот вернулся не из ставки фюрера, которую должен был поднять на воздух, а из офицерской столовой. Заместитель командующего демонстративно не замечал его. Он весь был поглощен изучением каких-то бумаг, листая которые, задумчиво кряхтел, мямлил что-то себе под нос и вновь, теперь уже озадаченно, кряхтел.

«Случилось то, чего ты больше всего опасался, – молвил себе несостоявшийся террорист. – Тебя уже ни о чем не спрашивают и ни в чем не собираются упрекнуть. Тебя всего лишь брезгливо игнорируют. Брезгливо... Если только это все еще способно расстраивать тебя».

Полковник пребывал в том идиотском «не в духе», когда он уже не нуждался ни в каких упреках, поскольку сам способен был известить себя какими угодно обвинениями, каким угодно презрением.

– Я готов доложить о ходе совещания, господин генерал, – Штауффенберг обязан был сказать это, поскольку подобный доклад являлся традиционным и входил в обязанности начальника штаба.

– Думаю, вам лучше предстать с ним перед командующим, – небрежно отмахнулся Ольбрихт, не отрываясь от бумаг. И полковник вспомнил, что это первый случай, когда заместитель командующего отсылал его к Фромму.

– В таком случае изложу в письменном виде.

Ольбрихт никак не отреагировал на его заявление, давая понять, что игра амбиций и нервов продолжается. Обычно Штауффенберг докладывал о ходе совещания, а также замечаниях фюрера и Кейтеля только Ольбрихту, и на этом официальная часть его визита в ставку завершалась, начиналась рутинная штабистская возня. Но сегодня порядок нарушен и, оказавшись меж двумя генералами, полковник чувствовал себя неуютно.

– Я понимаю, господин генерал, что вы вправе презирать меня...

– С какой стати? – резковато перебил его Ольбрихт, не желая объяснений. – Не опускаю дальше констатации факта.

– Но, поверьте, так сложились обстоятельства. Начало совещания неожиданно было перенесено. Место – тоже. У меня совершенно не оставалось времени, чтобы сориентироваться.

– Ах, вот вы о чем, – наконец оторвался заместитель командующего от бумаг. – Очевидно, вы уже поняли, полковник, что мне неудобно возвращаться к разговору на эту тему.

– Но время и место совещания действительно были перенесены. И я не успел приготовить то, с чем должен был войти. Для этого у меня попросту не хватило времени. Механизм подготовки вам известен.

– В таком случае мы вынуждены будем признать, что против нас восстали уже даже не земные, а всевышние, роковые обстоятельства – да, нет? – как вопрошает в таких случаях генерал Фромм.

– Как человек глубоко верующий, – вспомнилась Штауффенбергу часовня посреди – кладбища, – я склонен думать, что это всего лишь временное невезение. – Он откинулся на спинку стула и с минуту сидел так, закрыв глаза и пытаясь возродить в памяти ситуацию, в которой оказался, узнав о том, что фюрер решил начать совещание немедленно.

Удавалось это Штауффенбергу с трудом. Но даже те проблески недавних событий в ставке, которые ему все же удалось возродить, вновь убеждали: подготовить мину к взрыву, причем так, чтобы не вызвать подозрения и не сорвать операцию, он попросту не сумел бы.

– А ведь мы опять подняли некоторые части по тревоге, – все же не смог Ольбрихт удержаться от упреков. – Объявили готовность, – безынтонационно, как бы самому себе, выговаривал он. – Сюда прибыли генералы Бек и Гепнер. Как видите, все очень рассчитывали на вас.

– Но не может же быть, чтобы нам вечно не везло.

– То есть вы намерены попытаться еще раз? – мягко поинтересовался Ольбрихт после небольшой паузы.

– В последний.

Граф фон Штауффенберг взглянул единственным глазом на Ольбрихта... Генерал сидел, подперев кулаками подбородок и уставившись на него.

– И еще... Приношу всем вам, кто ждал от меня этого подвига, свои искренние извинения.

– Да дело, в общем-то, не в нашей обидчивости, как вы сами понимаете, граф...

– В следующий раз я совершу это, даже если понадобится взлететь вместе... с ним, – не решился полковник вслух произнести имя фюрера. – Вы что, не верите мне?

– Честно говоря... – покачал головой Ольбрихт. – Бек и Геппнер считают, что вы уже сломлены. И что вам уже не подняться. Завтра мы соберемся, чтобы вместе искать выход из создавшейся ситуации. Уж не знаю, удобно ли вам будет присутствовать при этом.

– То есть искать человека, сумевшего бы заменить меня?

– Так будет точнее, – согласился генерал. – И ваше отсутствие будет воспринято с пониманием.

– Просил бы не прибегать к этому, господин генерал, – резко поднялся полковник Штауффенберг. – К чему такая поспешность? В конце концов, речь идет о крайне опасной, рискованной операции.

– Именно исходя из этого. Хотя, откровенно говоря, не ожидал, что наше стремление найти иное решение операции способно возмутить вас.

– Потому что речь идет не об «ином решении», а об ином исполнителе. А для меня это вопрос чести.

«Господи, полковник... – умиленно взглянул генерал на однорукого, безглазого офицера, уже одним видом своим вызывающего сожаление. – Неужели вы считаете, что штаб армии резерва кишит храбрецами-самоубийцами, способными по нескольку раз в течение месяца являться в зал заседаний ставки фюрера с миной в портфеле? Как же непростительно высоко вы оцениваете патриотический дух своих единомышленников».

– Я считаю, что мне должна быть предоставлена еще одна возможность, – не унимался тем временем Африканский Циклоп. – Последняя.

Слушая его, Ольбрихт сосредоточенно смотрит куда-то в сторону, как школьный учитель, решающий для себя, стоит ли и дальше томить ученика муками раскаяния или же прекратить нотации и поверить ему на слово?

– Каждый раз, когда вы в очередной раз отправляетесь туда... Рискуете не только вы, фон Штауффенберг. Рисуем все мы. Каждый раз нервы натянуты до предела. Каждый раз готовятся и поднимаются по тревоге воинские части. Десятки, сотни офицеров меняют свои планы, подстраиваются под обстоятельства и с надеждой ожидают вестей «оттуда». Поэтому вы тоже должны понять нас, полковник. Тем более, что эта акция – ваше добровольное решение.

– Я все понимаю. Но мой последний шанс. Никто не имеет права отнимать его у меня. Только бы вы позаботились о том, чтобы я в ближайшее же время вновь сумел попасть в «Бергхоф».

– Теперь уже в «Вольфшанце». Фюрер переезжает. Там контроль жестче.

– В любом случае.

Ольбрихт пытался что-то добавить, но в это время ожил телефон и генерал внимательно взглянул на террориста, словно заподозрил, что и звонок тоже может быть связан с его просьбой.

– Так прибыл ваш «африканец», генерал – да, нет? – услышал он довольно резкий, скрежещущий бас Фромма.

– Так точно. Он здесь, – взглянул Ольбрихт на полковника, давая понять, что речь о нем.

– Есть что-то важное для нас?

– В общих, так сказать, чертах, господин командующий, – только сейчас пожалел Ольбрихт, что не удосужился расспросить полковника о событиях в «Бергхофе».

– Ко мне его.

Ольбрихт положил трубку и вновь взглянул на фон Штауффенберга.

– К командующему, господин полковник. – А когда тот уже направился к двери, бросил ему вслед: – И запомните: никто не сможет запретить вам использовать свой последний шанс. Это право свято, как право исповеди.

– Жаль тратить заряд, – воспринял фон Штауффенберг его слова как шутливое, хотя и страшное напутствие.

3

– Наконец-то вы появились, Скорцени... – Гитлер сидел за столом в своем большом купе, занимавшем почти половину «бункер-вагона» и, даже обращаясь к начальнику военного отдела секретной службы СС, старался смотреть так, чтобы краем глаза видеть медленно проплывавшие за окном рыжевато-зеленые холмы, между которыми взлескивали на солнце плесы небольших болотных озер. – В последнее время вас трудно найти. Вообще найти кого бы то ни было в этой стране становится все труднее, – уже откровенно пробрюзжал фюрер.

– Я только что из Италии, – напомнил Отто, поняв, что «верховный судья нации» пребывает в каком-то полусомнамбулическом состоянии, вывести из которого его будет непросто.

– Из Италии... – запрокинул голову Гитлер и, как показалось Скорцени, окинул его осуждающим взглядом: «И вы, штурмбаннфюрер! В такое-то время! В Италии». – Конечно, вы из Италии... – Только сейчас прорезалось в его голосе нечто романтически-завистливое и по-человечески вполне понятное Скорцени.

Поезд резко качнуло, но, придержавшись за кончик стола, Отто все же сумел сохранить равновесие, а затем сел, хотя фюрер не позволил ему этого. Впрочем, хозяин «бункер-вагона» воспринял его самоуправство с обреченным спокойствием. Откинувшись на спинку дивана-сиденья, – маленький, ссутулившийся, с усталым худошаво-обрюзгим лицом, забившийся в угол – Гитлер казался совершенно случайным в этом шикарном купе, во всем этом тщательно охраняемом поезде. Тем не менее рослый, уверенный в себе диверсант, каждая мышца которого бурлила силой и авантюрным риском, взирал на него с покорностью и надеждой, готовый промолчать и смириться, простить и исполнить. Во что бы то ни стало – исполнить. Любой приказ. Любой ценой. При любых обстоятельствах. В этом скрывалась самая большая тайна отношений теряющего свои могущество и власть, морально и физически деградирующего фюрера – и «первого диверсанта империи», самородка, сумевшего вознести свое страшное ремесло к вершинам военного искусства.

– Вы были у Муссолини?

– Он приглашал меня. Но стало известно, что дуче срочно вызван в «Вольфшанце».

– Это так. Я вызвал его.

– Поэтому решил, что из политических соображений лучше будет встретиться с ним здесь, в Германии.

– Он все еще признателен вам, Скорцени. Все еще... – Фюрер то ли иронично улыбнулся, то ли брезгливо поморщился. Во всяком случае, чувствовалось, что любое упоминание об «императорствующем макароннике» вызывает у него приступ снисходительного недовольства.

И ощущение это было близко и понятно «первому диверсанту рейха». Ни один глава государства не застрахован от недругов, дворцовых интриг и переворотов. Но не таких примитивных. И не в Италии – с ее мощной фашистской фалангой, национальной гвардией и целой армией секретных и давно рассекреченных агентов СД, гестапо, абвера, с частями СС. Не в Италии и не столь анекдотически – вот чего не могли простить Муссолини ни фюрер, ни Скорцени.

– Это наша вина: не сумели предупредить события в Риме. – Появился официант и оставил для Скорцени бутылку пива, а для Гитлера – бутылку божественной минералки и бокалы. – Если бы дуче сумел предупредить нас, мы нанесли бы упреждающий удар по королю и Бадольо, – мрачно оправдывался Гитлер. – Пусть даже пришлось бы пожертвовать Муссолини и всем его кабинетом министров.

Берясь за свой бокал, фюрер вопросительно взглянул на «первого диверсанта рейха».

– И мы нанесли бы этот удар, – жестко подтвердил Скорцени. Пиво только что извлекли изо льда, и здесь, в душноватом вагоне, оно показалось штурмбаннфюреру родниковым напитком рая. – Был бы только приказ.

Фюрер воспринял это как упрек. Но Скорцени такое позволялось.

– ...Теперь карта фронтов на южном театре Европы выглядела бы совершенно по-иному, – продолжил свое брюзжание Гитлер. – А мы бы имели десяток лишних дивизий. Пусть не самых отборных и боеспособных. Зато противостояли бы они союзникам, а не вермахту.

Скорцени промолчал. Фюрер сам должен был понять, что запоздал с этим разговором ровно на год. Кроме того, ему показалось, что и сама тема переворота в Риме возникла стихийно, только потому, что он вернулся из Италии.

И был немало удивлен, когда вдруг услышал:

– Но мы должны извлекать уроки, Скорцени. Мы обязаны извлекать их. Даже из таких вот, начисто проигранных нами, дворцовых сражений, какие происходили в Риме. Иначе чего мы все будем стоять? – «Верховный судья нации» вновь вопросительно взглянул на штурмбаннфюрера, словно предполагал, что с его банальной сентенцией можно не согласиться.

– Мы должны продемонстрировать это миру, – мягко уточнил Скорцени, напоминая фюреру, что это всего лишь слова, на которые он не мастак. Пора бы переходить к делу.

– Вам представится возможность продемонстрировать это, Скорцени, представится. Причем очень скоро.

– Где и когда? – по-солдатски кратко поинтересовался обер-диверсант СС.

«Где и когда?» – мысленно повторил фюрер, с благодарностью глядя на офицера. Если бы каждый его фельдмаршал, каждый генерал с такой же готовностью вопрошал: «Где и когда?», разве сейчас он ломал бы голову над тем, как остановить врага у самых границ рейха?

И все же с ответом не спешил. То, что он должен был произнести, принадлежало к высшим секретам империи. К его личным секретам. И даже пребывая тет-а-тет со Скорцени...

– Венгрия, – вырвалось у него как-то само собой. – Говорят, ваша мать – венгерка.

– Во мне бурлит кровь всех народов Европы. Но вся эта смесь и представляет собой кровь германца. Речь идет об адмирале Хорти?

– О регенте... Хорти.

Скорцени задумчиво помолчал. Он пытался вспомнить, обладает ли какой-нибудь особой информацией, позволявшей ему подтвердить актуальность этого упреждающего удара. Но обнаружил, что никакими такими особыми, свежими сведениями не обладает. Кроме общей уверенности в том, что на Хорти нельзя положиться точно так же, как нельзя было полагаться на Муссолини, на Антонеску. Или Франко. Который вместо того, чтобы прийти на помощь Германии, забился в свою пиренейскую пещеру и делает вид, что все, происходящее по ту сторону горных перевалов, его не касается. Именно эти размышления заставили Отто напомнить Гитлеру:

– Мне почему-то казалось, что начнем с Мадрида.

– Почему с Мадрида? – нервно передернул плечами фюрер. – Знаю, что недолюбливаете Франко. Многие недолюбливают его. Но основания?

– Уже хотя бы потому, что мы дали возможность генералу Франко вдоволь отдышаться и прийти в себя. Огромная страна. Огромные людские и материальные резервы, оказавшиеся за спиной у англо-американцев.

– Стратегически это обнадеживает, – вяло признал Гитлер.

– Сменив Франко, мы могли бы срочно перебросить в Испанию пару наших дивизий, быстро довооружить несколько испанских, создав таким образом мощный армейский кулак в тылу у войск союзников.

Гитлер задумчиво смотрел в окно. Скорцени не был уверен, что тот слышит его, а точнее – пытается осмыслить сказанное им.

В двери появился личный адъютант вождя обергруппенфюрер Шауб. Он попытался привлечь внимание Гитлера, однако тот демонстративно не замечал его, и адъютант вынужден был исчезнуть, чтобы дожидаться более благоприятного момента.

– И все же отправляться вам придется в Будапешт, Скорцени, – наконец вернулся фюрер в катящуюся в сторону Балтики реальность. – Но об этом мы еще поговорим. Здесь нужно будет все взвесить. Подобрать личность, способную заменить уставшего от бремени власти адмирала. Когда «ситуация созреет», мы обязательно вызовем вас, Скорцени.

– Я готов, мой фюрер.

– В Италии вы занимались секретным оружием.

– Морскими камикадзе.

– И что же?

В течение нескольких минут Скорцени рассказывал обо всех впечатлениях, которые он вынес в результате знакомства со школой князя Боргезе.

Гитлер не перебивал его. Отто сразу же почувствовал, что интерес фюрера к его докладу неподдельный и что появление «человеко-торпед», «человеко-бомб» и пилотируемых смертниками ракет «Фау» пробуждает у него пусть пока что весьма смутную, но все же надежду. Гитлер много раз уверял германцев, что вот-вот введет в действие некое чудо-оружие, которого в природе пока не существовало. Так пусть появится хоть что-то новое, способное причинить противнику более-менее заметный урон.

Но как только Скорцени увлекся описанием первой атаки камикадзе Райса, в ходе которой был потоплен английский корабль с солдатами на борту, фюрер прервал его:

– Скажите, Скорцени, вы уверены, что мы действительно получим нужное число смертников-добровольцев, чтобы создать этот... особый род войск?

– А кто может усомниться в этом? – угрожающе проворчал Скорцени, не принимая в расчет то обстоятельство, что основной сомневающийся уже перед ним.

– Вы в этом действительно уверены? – привстал и потянулся к нему через стол фюрер. И подернутые слюдяной влагой, доселе дремавшие, мертвенные глаза Гитлера наконец-то ожили, взыграв холодным лучом недоверия.

– Мы наберем их столько, сколько понадобится, мой фюрер, – грохнул кулаком по столу «первый диверсант рейха».

– Вы не поняли меня, Скорцени. Я спросил, сумеем ли мы получить столько добровольцев.

– Если понадобится, мой фюрер, мы превратим в смертников-добровольцев весь военноморской флот, всю заживевшую геринговскую люфтваффе. Вся СС превратится в части камикадзе. И пусть только кто-нибудь из этих мерзавцев, дьявол меня расстреляй!..

Гитлер закрыл глаза и нервно повертел головой, пытаясь остановить порожденную роком этого исполосованного шрамами верзилы словесную лавину.

– Я всего лишь хотел знать, готовы ли... все еще, готовы ли мои солдаты умирать за своего фюрера, – негромко и несмело объяснил он. – Умирать с той же верой и той возвышенной жадой самопожертвования, с какой умирают во имя своего императора те, истинные камикадзе.

4

Гиммлера не очень-то удивило упорство, с которым редактор газеты «Дас Шварце Кор» полковник СС Гюнтер д'Алькен добивался его аудиенции. Рейхсфюрер уже выяснил, что полковник только что вернулся после длительной поездки по территориям, прилегающим к Восточному фронту, и теперь был, очевидно, обуреваем какими-то совершенно немыслимыми идеями. Настолько же гениальными, насколько и бредовыми.

Несмотря на то что «Дас Шварце Кор» являлась официозом СС и, следовательно, должна была отличаться особой правотоверностью, ее редактор давно прослыл вольнодумцем, по некоторым вопросам позволял себе не соглашаться со всеми, вплоть до фюрера. Правда, вольномыслие это крайне редко удавалось доносить до газетных страниц, что, собственно, и спасало д'Алькена как редактора. Но ведь и мнение, высказанное в кулуарах совещания, в кабинете высокого чина СС или в собственном кабинете, тоже достойно того, чтобы быть отмеченным не только отставкой, но и концлагерем.

– Говорят, поездка по окрестностям Восточного фронта произвела на вас, полковник, неизгладимое впечатление.

– Справедливое замечание.

Они прошли вдоль берега небольшого озерца и оказались посреди чашеобразной, почти первозданной по красоте своей, низине, в которой каким-то образом вмещались это родниковое, обрамленное двумя невысокими скалами озерцо, дубовая роща, поросшие мхом руины замка и заброшенная штольня старой каменоломни. Эту «Долину Отрешенности», как назвал ее Гиммлер, водитель открыл для него еще прошлым летом, когда завернул сюда, чтобы помочь шефу утолить жажду. Три родничка, издревле питавшие озерцо, казались божественно прохладными и умиротворяющими. Руины и каменоломня навевали на философские раздумья о вечности и суетности жизни, а между шатром рощи и озерным плесом царилла какая-то особая нордическая прохлада, совершенно отделяющая эту долину от издерганного, расплавленного зноем остального мира.

– Каковы ваши прогнозы, редактор? – поинтересовался Гиммлер, отпивая с ладоней родниковую воду.

– Как всегда, мрачные.

– Как всегда, – задумчиво кивнул Гиммлер, но в голосе его не послышалось ни осуждения, ни мстительности.

– Зато поездка помогла мне убедиться в том, в чем, собственно, я и так был убежден.

– Еще одно оригинальное признание.

Гиммлер остановился у гранитной, отполированной стихиями скалы, в которой отличалась голубизна озерного плеса, а в кварцевых зернах отражались лучи предобеденного солнца, – и выжидающе уставился на д'Алькена. Лицо его оставалось при этом холодно-вежливым и смиренно-терпеливым.

– Мы, господин рейхсфюрер, допускали огромную ошибку, унижая и истребляя население оккупированных нами русских территорий. Подавляющее большинство его действительно ненавидело коммунистов и не желало возвращения советской власти. Будь мы осмотрительнее и дальновиднее – давно сумели бы превратить начатую нами войну в гражданскую войну России.

– Уверены, что таких было большинство?

– Во всяком случае, потенциально. Речь идет о населении, которое изначально считало нас избавителями от коммунистических врагов, разрушивших тысячи храмов, истребивших в концлагерях десятки тысяч их земляков; сославших под видом кулаков в Сибирь наиболее

трудолюбивую часть крестьян. Оставшееся население являлось нашим естественным союзником – это, на мой взгляд, совершенно бесспорно.

– Я погрешил бы против истины, полковник, если бы признал, что вы открыли для меня некую высшую истину, которой мы все, генералитет СС и руководство рейха, постичь были не в состоянии.

– Но я и не претендую на роль мессии, – грубоватое, далеко не аристократическое лицо д'Алькена слегка побледнело, однако он все же сумел сдержаться. Штандартенфюрер давно готовился к этому разговору, рассчитывал на него и обрадовался, узнав, что Гиммлер назначил встречу не в своем кабинете, а здесь, в этом романтическом, истинно германском уголке, вдали от скрытых магнитофонов.

– На что же вы тогда претендуете?

– Это интересует многих, господин рейхсфюрер. Многим непонятно, с какой стати я вдруг отстаиваю власовское движение. Почему пытаюсь оживить его, используя при этом не только свою газету, но и личные связи.

– Не тштитесь, штандартенфюрер, во «враги народа», подобно тому, как это делает со своими вольнодумцами Иосиф Виссарионович, вас все равно не зачислят. В героях послевоенной Германии вам тоже не ходить. Так и останетесь «редактором одиозной эсэсовской газетенки». – Улыбку, которая вырисовывалась на лице Гиммлера, действительно можно было бы считать улыбкой, если бы только это лицо не принадлежало Гиммлеру. – Вы – яростный сторонник Власова, это мне уже понятно. Непонятно другое – за что вы его так возлюбили.

– Это любовь к Германии. Бросив на русские штыки сотни тысяч бывших русских пленных, мы спасем сотни тысяч арийцев.

– Но испоганим саму идею арийского господства. Ради которой, собственно, все это и затевалось. Такой поворот мыслей никогда не увлекал вас?

– ...Но каждый раз побеждало желание облегчить участь наших солдат.

Гиммлер благодушно развел руками.

– Если бы не моя вера в то, что вы руководствуетесь состраданием к Германии, а отнюдь не состраданием к Власову, вы бы давно сменили свой мундир на более скромное одеяние.

– После вашего откровения, господин рейхсфюрер, мне сам Бог велел быть предельно откровенным. Известно, что Власов добивается встречи с вами.

– Как и с фюрером.

– Фюрер вряд ли согласится принять русского генерала, поскольку ему трудно будет отречься от предубеждений относительно Русской освободительной армии, которые уже стали притчей во языцех. Но было бы неплохо, если бы приняли его вы.

– Допустим, приму...

– Тогда власовское движение стало бы приобретением СС, а не ведомства Розенберга. А то, что окончательно отказаться от власовцев мы не можем, – не то время – уже ясно. Так что мы в конце концов теряем? Создавая русскую армию, мы получаем новых солдат, меняем отношение к себе славянского населения России, не говоря уже об отношении многих европейских политиков, поскольку Власов – это ведь борьба не с целью захвата России, а с целью освобождения ее народов и всего мира от коммунистической чумы... Мне как журналисту совершенно очевидно, что политическая выгода от нашей лояльности к власовцам еще более важна, чем сугубо военная.

– Но ведь вам известно, что в свое время я назвал Власова «большевистским подмастерьем мясника»¹.

– И запретили мне каким бы то ни было образом поддерживать генерала и его движение.

– Неужели я пал так низко?

¹ Реальный факт.

– Однако свои взгляды мы должны менять в соответствии с ситуацией и общей обстановкой. Хотя Сталин – если только он узнал об этом высказывании – не в восторге от возведения его в ранг мясника.

– Скорцени называет его проще: «Кровавым Кобой»² – презрительно поморщился Гиммлер.

– Вот кому принадлежит новый псевдоним вождя!

– Ладно, как вы себе представляете развитие русского движения в Германии, штандартенфюрер?

– Оно не будет иметь никакого влияния, пока мы не создадим русскую армию хотя бы в составе двух стрелковых дивизий, с полком авиации и прочими приданными и вспомогательными частями. Это сразу же поднимет авторитет Власова и среди пленных, и среди будущих дезертиров. Кстати, во время операции «Зильберштрайф»³ мы добились достаточно большого потока перебежчиков. Но сейчас он резко сократился. И не только потому, что наши войска отступают. Русские не видят по ту сторону линии фронта частей власовской освободительной армии, не видят силы, которая способна будет заменить вермахт и возглавить сопротивление коммунистам, – вот в чем проблема.

– Справедливо, – согласился Гиммлер, останавливаясь у руин замка. – Народу нужен вождь, нужна надежда.

Старая, вконец ослабевшая змея заползла на вершину обломка и, греясь на солнце, лениво уставилась на людей. Какое-то время рейхсфюрер и змея гипнотизировали друг друга, оставаясь совершенно неподвижными. Это продолжалось до тех пор, пока штандартенфюрер не извлек пистолет и не рассек пресмыкающееся несколькими выстрелами.

– Вместе с пропагандистским отделом вермахта вы затеяли сейчас новую операцию?

– «Скорпион».

– Красноречиво. Есть успехи?

– Особых нет. По той же причине. Переходя на нашу сторону, русские очень рискуют. Мы уходим, приходят коммунисты. И начинаются расстрелы, концлагеря, ссылки в Сибирь. Многие не хотят служить нам, но согласны служить под началом русских генералов, выступающих за свободную Россию без коммунистов.

– Вы говорите все это, чтобы расчувствовать меня, полковник? Вы ведь знаете, что мои сопереживания несчастным русским, отданным на произвол коммунистам, глубоки и искренни. – По идее, Гиммлер должен был произнести это с легкой иронией. Однако д'Алькен так и не сумел уловить ее.

«Ирония, очевидно, в том и заключается, что Гиммлер произносит подобные вещи совершенно серьезно и совершенно искренне», – объяснил себе шеф эсэсовского официоза, по старой журналистской привычке пытаясь всему дать собственное толкование.

– Господин рейхсфюрер, я понимаю, что ваше время слишком ограничено, – молвил он. Бросив последний взгляд на руины и на растерзанное пулями все еще вздрагивающее тело змеи, Гиммлер направился к стоящим поодаль, на выходе из «чащи», машинам. – Могу ли я сообщить Власову, что вы готовы принять его? Если это так, мы у себя в газете – да и пресса, рассчитанная на население оккупированных территорий, – могли бы преподнести сию новость в соответствующей интонации.

² «Коба» – подпольная революционная кличка Сталина.

³ Пропагандистская операция «Зильберштрайф» была развернута в мае 1943 года с целью вызвать массовое дезертирство из рядов Красной армии. Новинкой ее было то, что в листовках говорилось о Русской освободительной армии. Любопытно, что эта операция была развернута по личной инициативе начальника отдела «Иностранные армии на Востоке» генштаба вермахта генерал-майора Райнхарда Гелена, того самого «серого генерала», который после войны, в 1956–1968 годах, уже в чине генерал-лейтенанта, возглавлял федеральную разведывательную службу ФРГ, попившую немало крови у советской разведки.

Вопрос был задан настолько прямо и беспардонно, что рейхсфюрер удивленно уставился на д'Алькена, однако почувствовал, что это тот случай, когда все же следует дать «добро».

– Я жду его у себя двадцать первого июля, – скороговоркой отмахнулся он от продолжения темы. – Надеюсь, дата господина Власова устроит? – теперь он не скрывал ни презрения, ни сарказма. – Или, может быть, генерал назначит свою?

– Его устроит любой день из отведенных ему на этой грешной земле.

– Время ему сообщает дополнительно. Но вы, полковник, должны понять, что ни фюрер, ни я никаких особых чувств к этому генералу не испытываем. В принципе не испытываем.

– Мне это известно.

– Кроме того, его поведение во время поездок по освобожденным нами территориям...

– Непростительное, истинно русское свинство. Но ведь и мы тоже не должны забывать, с кем имеем дело. Кстати, если уж господин Власов настолько – как любят говорить русские – «пришелся не ко двору», почему мы должны терпеть его? Для нас важен не Власов, а сама идея русского освободительного движения.

– Вы намерены заменить генерала Власова генералом Геленом? – мрачно улыбнулся Гиммлер.

– Елена русские вряд ли воспримут. А вот генерал Жиленков вполне бы подошел.

– Есть и такой генерал? – удивленно вскинул брови Гиммлер. Однако д'Алькен понял, что это всего лишь игра. О Жиленкове рейхсфюрер слышал, не мог не слышать. – У них тут что, свой генштаб?

– Поскольку существует армия, должен быть и генералитет, – сдержанно остепенил его д'Алькен. К чиnam выше полковничьих он всегда относился с должным почитанием. – Мы уже обсуждали его кандидатуру с Гайнцем Гельмихом⁴. Командующий тоже готов поддержать кандидатуру Жиленкова.

– Этому генералу хватит авторитета и решительности?

– Он достаточно решителен, когда того требуют обстоятельства, и достаточно сдержан, когда того требует чувство такта. Которое так часто изменяет пролетарскому генералу Власову. Кроме того, Жиленков – один из авторов «Смоленской декларации», он стоял у истоков Русского освободительного движения. И вообще, больший «власовец», чем сам Власов.

– Но это вызовет раскол в среде русских. Они устроят здесь настоящую гражданскую войну. Разве вы не знаете, что они там, у себя в России, так и не довоевали до конца?

– Судя по воинственности белых офицеров, находящихся в Германии и Франции, а красных – по ту сторону фронта, – согласился полковник. – Но позволю себе заметить: раскол возможен в том случае, когда Власов будет оставаться среди активных членов «русского комитета», членов руководства движением. Если он все еще будет оставаться...

– Вот это другое дело, – мрачно пробубнил Гиммлер. – Тогда, может быть, есть смысл сразу же встретиться с этим вашим... Жиленковым? Знаете, полковник, у нас, в штабе командования СС, как-то не принято пожимать руки покойникам.

– С вашего позволения, я поговорю с самим Жиленковым. Думаю, отказа не последует. Но формальность есть формальность.

– Так вы еще не беседовали с ним... – грустно констатировал Гиммлер, с сожалением глядя на полковника. – Придется перевести вас в действующую армию, штандартенфюрер. Редакторское кресло действует на вас деморализующе.

⁴ Генерал Г. Гельмих был в то время командующим войсками Остгруппен германского верховного командования. До создания регулярных частей РОА все воинские подразделения, укомплектованные из представителей народов советской империи, в той или иной степени находились в подчинении у командующего войсками Остгруппен.

5

Генерал благоговейно снял со своей груди овечьиную французскими духами головку Сото, осторожно, чтобы не разбудить девушку, оставил распутное ложе и подошел к столу. Полрюмки рисовой водки не могли ни утолить его похмельную жажду, ни избавить от утренней «любовной одури».

Ночь, которую он только что прожил, относилась к тем его бурным, «налетным» – как называл их Семенов со времен своего атаманства – ночам, что еще вполне были ему по чину и карману, однако уже давно становились не по здоровью. И ничего тут не поделаешь. Осталось лишь смириться с этой прискорбной истиной. Вот только смириться генерал не мог: казацкая удаль никак не усмиралась.

Генерал взглянул на безмятежно спавшую девушку. На сей раз «налетную» ночь делила с ним Сото, что в какой-то мере оправдывало его. Тем не менее... Пора бы попривержать коней.

Командующий прошелся взглядом по оголенному бедру девушки, по розоватому соску, едва заметно проклевывающемуся сквозь перевернутую вверх доньшком пиалу груди, и решил, что, пожалуй, сегодня он слишком жесток по отношению к себе: еще четвертинка рюмки не помешает ни ему, ни его ангелу-хранителю. В конце концов, не зря же именно эту рисовую погань употребляют перед своим последним полетом их камикадзе.

Вершины горного хребта напоминали далекие лесные костры. Бледновато-розовое пламя их мерно полыхало в поднебесной синеве Большого Хингана, сливаясь в сплошное утреннее марево – холодное и безучастное ко всему мирскому. Не отводя взгляда от этого пламени, генерал вновь опустошил свою рюмку и, блаженственно крякнув, вернулся к девушке.

Поцелуи его были едва ощутимыми, а потому порочно-невинными. С трудом отрываясь от теплой нежной шеи с призывно пульсирующей сонной артерией, Семенов припал к груди Сото, словно к священному источнику, и почувствовал, что нет ни силы такой, ни воли, которые заставили бы его прервать это душевное омовение.

Девушка пошевелилась во сне и, по-детски потягиваясь, перевернулась на спину, одну ногу откинув в сторону, другую изысканно подогнув.

Поцелуи, которыми стареющий генерал покрывал нежную кожу ее живота, становились все более затяжными и отчаянными. У лобка мужчина взревел, как раненый зверь и, обхватив дрожащими руками бедра девушки, приподнял их, приближая к себе...

Стук в дверь показался ему зовом из иного мира. Все еще поддерживая бедра, словно чашу святого Грааля, Семенов затравленно оглянулся. Стук повторился, но теперь он прозвучал резче и настойчивее. Только после этого генерал сдавленным голосом прорычал:

– Какого дьявола, нехристи заамурские, в соболях-алмазах?!

– Господин генерал, срочное сообщение, – услышал он голос адъютанта.

– Какое еще может быть сообщение, мерзавец? – проворчал Семенов, поглядывая на оголенное тело девушки с такой тоской, будто отрывали от нее навсегда. – Какое еще может быть сообщение? – Он даже гаркнуть не мог по-людски, поскольку опасался разбудить Сото. Хотя, казалось, ангельский сон ее уже не смогли бы нарушить даже иерехонские трубы.

Прикрыв девушку легким одеялом, генерал надел брюки, набросил на плечи френч и тяжело прошлепал босыми ногами к двери.

– Прошу великодушия, господин командующий, – предстал перед убийственно-разъяренным генералом полковник Дратов, не догадывающийся, что тот был занят женщиной. – Донесение от полковника Родзаевского. В таких случаях вы просили докладывать незамедлительно.

– Не просил, а требовал, – мстительно огрызнулся генерал. – Что произошло? Японский император совершил обряд харакири?

Дратов был чуть повыше Семенова, что позволяло ему спокойно заглядывать через плечо, туда, где лежала Сото. Генерал тоже поневоле оглянулся и увидел, что японка вновь ухитрилась оголиться, даже во сне протестуя против того, чтобы ее красоту упрятавали.

– Однако, полковник... – ревниво отгеснил адъютанта командующий и закрыл дверь.

– Прошу великодушия, господин генерал. Сообщение Родзаевского касается группы ротмистра Курбатова.

– Разве что, – примирительно протянул Семенов. – Так что, он наконец дошел? – Когда речь заходила о Курбатове, генерал Семенов позволял себе отрешаться от всех остальных людей и событий. С некоторых пор евроазиатский марш этой группы по красным тылам стал последней гордостью атамана, понявшего, что его армии так и не суждено перейти Амур и победно двинуться к Уралу.

– Так точно, господин командующий. Курбатов уже в Германии.

Семенов победно улыбнулся и воинственно расправил плечи, как бы говоря всем тем, в квантунском штабе сидящим, кто низвел его до бытия тыловика: «Я вам еще не то покажу, в соболях-алмазах!»

– Значит, дошел ротмистр, сабельная его душа... – Они спустились на первый кабинет, в котором Семенов обычно принимая гостей и своих офицеров, и налили себе по стопке водки. – Сколько их добралось до Германии?

– Курбатов и фон Тирбах. Только эти двое.

– Как и следовало ожидать, – одобряюще кивнул командующий. – Это как раз неплохо, с германцем как-никак... Все остальные, значит...

– Некоторые остались в России. Кто на Волге, кто на Дону. Потери, в общем-то, небольшие. Иных подробностей не знаю, но Родзаевский, ссылаясь на сведения японцев, утверждает, что прихватили с собой и какого-то немецкого офицера, которого освободили из русского плена.

– Прийти в Берлин с офицером, вырванным из лагеря, – это уже визитка, Дратов! Что бы ты ни думал о ротмистре и его людях.

– Самого высокого мнения.

– Ты не прав, полковник, – не слышал его генерал, – это уже визитка!

– Но теперь он останется в Германии, и мы его так или иначе потеряли.

– Мыслите, как в бане, полковник, – не согласился Семенов, закусывая малосолевыми огурцами, которые заготавливала для него осевшая под Харбином семья отставного штабс-капитана Хрулева. – Мы не потеряли этого пройдоху, мы его нашли. Кто знает, возможно, когда-нибудь, когда ото всей их германско-японской авантюры останутся лишь туманные воспоминания, все наше бело-маньчжурское движение войдет в историю только этим диверсионным походам через полмира.

– Все может быть, прошу великодушия. Однако не хотелось бы, чтобы только этим. Мы с вами, господин генерал, заслуживаем большего.

– Могли бы заслужить, адъютант, могли бы, в соболях-алмазах, – вновь взялся за графин, атаман Семенов.

Осчастливив себя еще одной рюмочкой, они несколько минут молча закусывали.

– В каком чине он должен прибыть в Германию, не помните Дратов?

– Увы, в чине полковника, – вздохнул адъютант. Он всегда вздыхал, узнавая, что кому-то посчастливилось дослужиться до такого чина, в котором он столь безнадежно долго пребывает, не имея почти никаких шансов на генеральские лампасы. – Но Курбатов, прошу великодушия, его-то как раз заслуживает. Чего не могу сказать о некоторая иных, нацелившихся в генералы.

– Не нуди, Дратов, – грубовато урезонил командующий, прекрасно понявший, о ком идет речь. – Интересно, как он там перед Скорцени предстанет? Примет ли тот его?

– Примет, куда денется. Ведь прошел. Факт. Фон Тирбах подтвердит, вся японская контр-разведка в свидетелях. Вот только затылки чесать нам теперь следует по другому поводу.

Семенов вопросительно взглянул на полковника.

– ... Именно это я и имею в виду, господин командующий. Пора направить стопы свои в том же направлении. Только маршрут избрать чуть покороче и понадежнее. Похоже, что делать в этой маньчжурской помойке, где мы уже никому не нужны, нам больше нечего.

– Потому и послал туда Курбатова, что хочу напомнить о самом атамане Семенове, в соболях-алмазах...

6

Встреча д'Алькена с «власовским Геббельсом» произошла неподалеку от штаба армии резерва, в небольшом старинном ресторанчике с непредсказуемо опасным названием «Как в лучшие времена», стены которого еще благодарно помнили устрашающие речи крестоносцев, отправлявшихся отвоевывать гроб Господний.

– Утверждают, господин Жиленков, что в последнее время у вас возникли серьезные трения с генералом Власовым, – нагло провоцировал его редактор «Дас Шварце Кор», прекрасно зная, что никаких особых трений между этими генералами не возникало. – Надеюсь, они не настолько безудержны, что могут вызвать раскол в Комитете освобождения народов России?

– Так вас заинтересовало только это? Мне-то сказали, что понадобился вам как соредактор газеты «Воля Народа»⁵.

– Мне еще понятно, когда вы настороженно относитесь к контактам с генералами из лагеря атамана Краснова, пытающимися переманить от вас лучшие командирские кадры, чтобы омолодить свое белогвардейское воинство. Но откуда такая настороженность в отношении офицеров СС?

– Время такое. Всегда нужно знать, с кем и о чем... Опять же, особенность нашего полуэмигрантского-полупленницкого положения.

Приземистый, худощавый, генерал вообще не производил какого бы то ни было впечатления: ни выправки офицерской, ни статности, ни командирского голоса. Однако таким, неказистым и невоенным, он должен был казаться на плацу. Штандартенфюрер прекрасно знал, что Жиленков слывет неплохим оратором, к тому же сам составляет свои речи. Один из русских власовских офицеров даже отозвался о нем в том духе, что перед любой, самой мизерной аудиторией генерал выступает так, словно стоит на баррикаде под стволами жандармов.

Революционная терминология д'Алькена не смутила. Важно, что генерала воспринимают. Не зря в КОНРе он занимает два важнейших поста – шефа отдела пропаганды и шефа отдела внешних сношений.

– «С кем» – вы уже, допустим, знаете. А вот «о чем» – будет для вас неожиданностью.

Пиво оказалось на удивление густым и кисловато-горьким. Уже не пиво, а некий прифронтовой эрзац. Но они потягивали его, смакуя не напиток, а знакомство друг с другом.

– Хотите переправить меня через линию фронта, чтобы создавал там партизанские отряды?

– Согласились бы?

– Нет. Увольте.

– Почему так решительно? Партизанский генерал Жиленков в тылу у красных! Статьи во всех газетах Европы. В России красные партизанские командиры гремят, купаясь в славе. Ковпак, например. Всенародный почет.

– Ковпак? Наслышан. Говорят, действительно неплохо воюет. Но только одно дело воевать против немцев, которые немало насолили всем, да к тому же чужаки на этой земле; другое дело – когда ты стреляешь из-за угла в солдат, которые только недавно эти края освободили.

– Но ведь вы – генерал освободительной армии, – замер д'Алькен с кружкой у рта. – Вам ли ставить вопрос таким образом? У освободительной армии нет иного способа начать войну, кроме как партизанский.

Жиленков угрюмо, затравленно улыбнулся. Он понял, что поспешил с отказом, но что теперь поделаешь? Его худощавое прыщеватое лицо с шелушащимися щеками и заостренным

⁵ «Воля Народа» являлась официальным органом Комитета освобождения народов России (КОНРа) и всего власовского движения. Генерал Жиленков действительно являлся одним из ее соредакторов.

красноватым носом еще более вытянулось и приобрело ярко выраженные черты посконной рожи непротрезвившегося конюха.

– Поздно начинать партизанить, штандартенфюрер. К тому же мы – регулярная армия. Хотя бы первые победы наши должны быть вырваны в открытом бою, плечом в плечо с союзниками. Вот почему мне совершенно не понятно, кто и по какому злему умыслу сдерживает формирование дивизий РОА.

Д'Алькен озорно хмыкнул и удивленно покачал головой. Он не мог не поражаться наивности русского генерала.

– Если я назову человека, активнее всех сдерживающего их формирование, пиво покажется вам еще более безвкусным, а весь дальнейший разговор потеряет всякий смысл.

«Фюрер», – понял Жиленков, тотчас же признавшись себе, что не такая уж это тайна и неожиданность, чтобы поражаться ей.

– Тогда кто же вам поручил вести переговоры о власовском партизанском движении?

– Ну почему сразу «власовском»? Почему не русском освободительном? Вы что, всерьез воспринимаете Власова как вождя движения?

Жиленков резко поставил свою кружку с недопитым пивом на стол и впился глазами в штандартенфюрера. Д'Алькен сразу же почувствовал, что погорячился: к такому дипломатическому аллюру генерал явно не готов.

– Как я должен воспринимать подобный пассаж? – настороженно спросил Жиленков и почему-то оглянулся на дверь, словно кто-то там, за ней, мог подслушивать их разговор. – Что, немецкое командование больше не доверяет генерал-лейтенанту Власову?

– Можно сформулировать и таким образом, – согласился д'Алькен, решив идти напропалую. Все равно ведь тональность беседы изменить было уже невозможно.

– Но почему? Разве не он?..

– Не утруждайтесь перечислением заслуг командующего, коллега, – осадил его редактор. – Они общеизвестны. Как общеизвестны и те слабости генерала, которые не позволяют ему занять достойное место в сонме руководителей вооруженных сил рейха.

– Не могли бы вы как-нибудь поточнее сформулировать претензии к нему?

– У меня существуют иные, более полезные занятия, господин генерал, – напомнил ему д'Алькен. – Власов давно не внушает доверия не только многим генералам из верховного командования вермахта, но и самому фюреру. Не говоря уже о Гиммлере и Геринге. Поэтому вопрос теперь стоит так: Власов должен быть смещен. Спокойно, порядочным образом с подобающим достоинством... И ничего не поделаешь. Не он первый генерал, которому в ходе войны «посчастливилось» познавать горечь вынужденной отставки: К тому же Власов сам попросит ее, – загадочно улыбнулся д'Алькен. – Об этом позаботятся.

– Кого вы, в таком случае, представляете? Для меня это важно, господин штандартенфюрер.

– Самые высшие эшелоны власти, генерал. Не мог же я начать разговор только потому, что не сидится за редакторским столом. Лучше бы вы спросили, почему он начат именно с вами.

Жиленков залпом допил остатки пива и молча проследил, как д'Алькен, на правах хозяина, заказал еще по кружке. К тому моменту принесли нечто похожее на гуляш, присоединив это блюдо к жареной печени с картофельным гарниром. В отличие от пива еду здесь подавали отменную, словно этого старинного, со стенами, покрытыми исторической плесенью, ветерана война совершенно не коснулась. В нем действительно почти все было, как в лучшие времена, что полностью соответствовало названию сего чревоугодного заведения.

– Так почему же в качестве собеседника вы избрали меня? – спросил Жиленков, отдав дань и этому блюду.

– Хорошо, господин генерал, играем в открытую. Поскольку отставка Власова – вопрос ближайшей недели, нужен генерал, достойный возглавить Русское освободительное движение и вооруженные силы РОА. Не далее как вчера у меня состоялась встреча с Гиммлером. На пост лидера движения без особых раздумий и сомнения я предложил генерала Жиленкова. – Д’Алькен запнулся, заметив, что сам избранник слушает его почти с ужасом. И весь он выглядит при этом жалким и затравленным. – Да, я предложил именно вашу кандидатуру, генерал. Зная ваши ораторские способности, ваш авторитет и военный опыт. И рейхсфюрер, пусть не без колебаний, но все же согласился.

– Да к чему все это? – растерянно изумился Жиленков. – Если бы раньше... Сейчас, при нынешней ситуации на Восточном фронте...

– С вами еще будут беседовать... Кейтель, Гиммлер, Риббентроп, Геринг, Розенберг. Возможно, и сам фюрер, у которого к вам отношение будет совершенно иным, нежели к Власову, – упорно довел до конца свою «вербовочную арию» д’Алькен, чтобы каким-то образом завершить это странное военно-политическое сватовство.

Какое-то время Жиленков отрешенно смотрел в окно и, сам того не замечая, отчаянно качал головой, отрекаясь не только от слов своих, но и от мыслей.

– Никогда не соглашусь на такое, – наконец едва внятно пробормотал он. И д’Алькен почувствовал, каких усилий стоило генералу решиться на отказ.

«А ведь не раз уже примерял шинель командующего, не раз мысленно взваливал на плечи его крест», – не отказал себе штандартенфюрер в возможности позлорадствовать.

– Поймите, в такое время расчленять все движение... Делить всех нас на «власовцев» и «жиленковцев»... Это же недопустимо. Непатриотично. Да за мной попросту не пойдут, еще и заклеймят предателем и раскольником. Вначале – да. Вначале я вполне мог возглавить наше движение. Но выбор-то пал на Власова. Теперь, его знают. Появился авторитет...

Генерал все говорил и говорил, старательно подбирая непослушные, черствые в его устах немецкие слова. Однако штандартенфюрер уже совершенно потерял интерес к нему. Он вдруг со всей ясностью осознал, как жестоко ошибся в этом кретине. Как он вообще мог предложить кандидатуру этой мрази?.. И это он, д’Алькен, слывающий психологом и чуть ли не прорицателем!

Были мгновения, когда штандартенфюреру попросту захотелось выплеснуть остатки пива в лицо этой грязной русской свинье и уйти. Возможно, так и поступил бы, если бы не осознание того, что встреча все же проходит по личной просьбе Гиммлера.

– Не время расшаркиваться, генерал Жиленков, – брезгливо прервал д’Алькен его бесконечный монолог. – Не время! Спрашиваю со всей ответственностью: вы согласны возглавить Русское освободительное движение? Да или нет?

– Нет, – поспешно ответил генерал. И д’Алькен явственно почувствовал, что тот боится Власова, как сицилийский мафиози – своего «крестного отца». – Нет и нет. Прошу так и передать рейхсфюреру... При всем моем личном уважении к нему и вам, при всей благодарности за доверие.

– Это ваше окончательное решение?

– Поверьте, в эти страшные дни во главе движения может быть только Власов. Многие офицеры знают его еще по фронту, по довоенной службе, по обороне Москвы...

– Так я спрашиваю: – побагровел штандартенфюрер, – ваше «нет» – это ваше окончательное «нет»?!

Жиленков нервно побарабанил костяшками пальцев по столу. Не соглашаться с лестным предложением штандартенфюрера, одобренным к тому же всемогущим Гиммлером, казалось еще опаснее, чем вот так, за кружкой пива, решать судьбу генерала Власова и всего освободительного движения.

– Окончательное, – выдохнул он с таким стоном, словно умудрился выкрикнуть уже из могилы.

Д'Алькен облегченно вздохнул, как человек, сумевший довести до логического конца тяжелую, занудную миссию.

– Что ж, примем это к сведению. Думаю, за более подходящей кандидатурой дело не станет.

– Не хотелось бы, – промямлил Жиленков.

– Вас это уже не касается, генерал! – резко отрубил штандартенфюрер. – Лично вас это уже ни в коей мере не касается.

Допив пиво, д'Алькен старательно рассчитался с официантом, но только за свой обед, чем вызвал молчаливое негодование Жиленкова, уверенного, что его здесь потчуют как гостя.

– Лично вас, генерал Жиленков, все подробности этого дела уже не касаются, – зачем-то повторил штандартенфюрер, не обращая внимания на присутствие официанта, невозмутимо наблюдающего за тем, как русский горячечно извлекает из внутреннего кармана френча свой бумажник.

– Меня как одного из руководителей движения такие вопросы не могут не касаться, господин полковник, – впервые резко возразил Жиленков.

На улице было душно. Яркое июльское солнце буквально испепеляло всякого, кто оказывался под его лучами, и полковник с генералом сразу же почувствовали, как прекрасно было там, в полуподвальном прохладном зале ресторанчика.

Д'Алькену неприятно было осознавать, что этого русского кретина с генеральскими погонами, доставшимся ему по чистому недоразумению, придется везти в своей машине. Но все же он пригласил его сесть, напомнив шоферу, что тот должен будет отвезти господина генерала в Дабендорф.

– Если хоть кто-нибудь, хоть одна живая душа в штабе Власова...

– Никто и никогда, – упредил его Жиленков. – Разговор сугубо между нами.

– Тем более, что всякое разглашение явно не в ваших интересах, – процедил штандартенфюрер с такой угрозой в голосе, что генерал поневоле вздрогнул и выпрямился, словно новобранец перед фельдмаршалом.

7

«Это свершится сегодня, – зажав портфель между коленками, Штауффенберг достал из кармана носовичок и старательно вытер вспотевший лоб. Настоянная на сосновой хвое духота разъедала его в эти минуты точно так же, как кислота, которую он только что выдавил из ампулы в приемной начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта, разъедает сейчас проволочку в его начиненной экзогеном⁶ mine. Он очень остро ощущал течение уже даже не минут – секунд. Время и жара... подогреваемая страхом и волнением июльская жара. – И все же это свершится сегодня... Теперь я не отступлю, даже если придется погибнуть вместе со всеми...»

– Мы опаздываем полковник, опаздываем, – нервно поторопил его генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Кейтель, чуть сбавляя шаг. Только увечность его коллеги, начальника штаба армии резерва, не позволяла выразиться более резко. Вначале полковник с опозданием прибыл к нему в штаб, затем, уже с улицы, вернулся в приемную, поскольку забыл там портфель с бумагами. Мало того, он умудрился забыть у него даже ремень!.. Что вы хотите, армия резерва! Даже такой боевой офицер, как Штауффенберг, проработав там каких-нибудь полмесяца, превращается в закоренелого разгильдяя.

– Так сложились обстоятельства, – пробормотал в свое оправдание фон Штауффенберг. Но тут же вспомнил о миссии, о той исторической миссии, с которой ему предстояла явиться в павильон, где проходило совещание, и лицо его приобрело надменный вид.

– Обстоятельства еще будут складываться, полковник.

О чем подумал Кейтель, говоря эти слова? Или, может, вообще ни о чем? Тот случай, когда мысли источает само Провидение?

– Вы правы: они еще только будут складываться.

В павильоне было чуть прохладнее, чем на улице. Однако даже кроны дубов, обычно спасающие окна от лучей палящего солнца, растеряли теперь свою тенистую благодать.

Проходя между двумя часовыми, Штауффенберг плотнее прижал к ноге портфель, инстинктивно опасаясь, как бы кто-то из них не вздумал задержать его или выдернуть портфель из рук.

Когда они вошли, полковник Бранит – приземистый широкоплечий крепыш лет сорока от роду – запнулся, умолк и удивленно взглянул вначале на них, потом на фюрера, потом вновь, почти с благодарностью, на Кейтеля и однорукого, незнакомого ему полковника.

Доклад Брандта о ходе боев в Галиции проходил слишком нервно и неровно. Гитлер уже дважды прерывал его, взрываясь не столько конкретными замечаниями, сколько нелепой патетикой, которую, возможно, и следовало бы не принимать близко к сердцу, если бы время от времени, в самых неожиданных местах доклада, Гитлер вдруг не обнаруживал удивительную, почти феноменальную память, помогавшую мгновенно вспоминать названия воинских частей, их принадлежность к той или иной армии, имена командиров и даже приблизительную численность, указанную в недавних фронтовых сводках.

– Мой фюрер, полковник фон Штауффенберг, начальник штаба армии резерва сухопутных войск. Из штаба Фромма, – почему-то счел необходимым уточнить Кейтель.

⁶ Экзоген – особая взрывчатка английского производства. В германской армии того времени она почти не использовалась, а хранилась на секретных складах абвера. Применялась исключительно для совершения диверсионных актов. Мина, заложенная фон Штауффенбергом, была безосколочной. Это-то, очевидно, и спасло фюрера от гибели. По одним данным, она была с часовым механизмом. По другим – срабатывала от того, что кислота передала медную проволочку, и таким образом вводился в действие особый, кислотный взрыватель.

– Этот полковник мне уже известен, – холодно ответил Гитлер, осматривая обезображенное повязкой лицо, часть пустующего рукава, всю щуплую, но довольно стройную фигуру графа. – Он уже бывал здесь.

«А ведь не только фюрер, но и все, кто здесь находится, уже мертвецы, – мелькнуло в сознании Штауффенберга. – С сочувствием разглядывая меня, они и не догадываются, с каким сочувствием я смотрю сейчас на них, мертвецов».

– По какому вопросу доклад этого полковника? – неожиданно спросил Гитлер у Кейтеля.

– О создании специальных частей армии резерва из ополченцев, которым надлежит вместе с частями вермахта, оборонять населенные пункты, в случае, если...

– Понятно, Кейтель, – прервал его фюрер, поморщившись. Фельдмаршал всегда раздражал его тяготением к подробностям. – Продолжайте, полковник Брандт. Только четче, четче. Мы вызвали вас для того, чтобы вы нарисовали нам полную и совершенно реальную картину. Вы же отлично понимаете, что, теряя Галицию, мы впускаем русских в предгорье и на карпатские перевалы.

Кейтель чуть-чуть замешкался с выбором стула, и Штауффенберг шагнул к тому, который стоял ближе к фюреру, что в иное время было бы расценено как непозволительная вольность. Но теперь ему не было дела до того, как воспримет эту его субординационную бестактность фельдмаршал, который тоже через несколько минут окажется на том свете. Как и все остальные.

Обнаружив, что от фюрера его отделяет лишь полковник Брандт, Штауффенберг с некоторым холодком в сердце подумал о том, что ведь вместе с фюрером погибнет десяток других людей, чьи подчиненные, родственники и друзья никогда не простят их гибели.

«Ты думал только о гибели фюрера, забывая, что принесешь гибель и горе многим другим, невинным людям. Но это не должно остановить тебя. Не должно, – чуть не сорвавшись на крик, объявил себе Штауффенберг. – Не должно! Все! Механизм запущен. Берлин, вся Германия ждет условного сигнала и страшных вестей из “Волчьего логова”. Ты и прибыл сюда именно для того, чтобы эти вести были страшными».

8

Брандт все еще что-то там говорил о больших потерях, словно бы на каком-то ином участке фронта они были сейчас небольшими; о необходимости переброски в Карпаты новых частей, особенно егерских, способных быстро фортифицировать перевалы и закрыть горные долины. О ненадежности словацких частей. Об их крайней неблагонадежности...

– А как ведут себя украинские части? – нетерпеливо постучал карандашом по столу Гитлер.

– Украинские? – удивленно переспросил Брандт, сразу же выдавая свою неподготовленность в этом вопросе.

– Да, как они ведут себя? У меня есть сведения, что теперь они наконец поняли, кто их настоящий враг, и перестали нападать на подразделения вермахта.

– Мне кажется, это отдельный вопрос, мой фюрер. Его надо бы изучить. Я не могу сейчас говорить ни о численности соединений украинских националистов, ни об их активности. Знаю только, что нами дано указание передавать частям украинской повстанческой армии все трофейное оружие.

– Понятно, полковник, вы не готовы прояснить эту ситуацию, – недовольно швырнул карандаш на стол Гитлер.

Брандт что-то попытался сказать в свое оправдание, однако слова его уже весьма смутно доходили не только до фюрера, но и до Штауффенберга. Он взглянул на часы. Время его и всех присутствующих здесь неумолимо истекает. Ах, если бы он мог каким-то образом увести отсюда хотя бы Кейтеля, которого, несмотря на вздорность его характера, все же уважал за штабистский талант; или хотя бы начальника оперативного отдела генштаба сухопутных войск генерала Хойзингера⁷; или этого беднягу, полковника Брандта – фронтовика, по жесточайшей иронии судьбы нашедшего свою гибель в самом охраняемом, самом безопасном месте Европы – ставке фюрера...

Однако все это сентиментальные вопли души. У него остается не более семи минут.

«Или, может, ты собираешься взлететь под небеса в обнимку с фюрером?» – с издевкой заглушил он собственный страх, незаметно передвигая портфель с миной от задней ножки своего стула до массивной дубовой опоры стола. Оказалось, что буквально под ноги полковнику, но зато с той стороны, поближе к фюреру. Эта массивная стойка, весь этот похожий на толстую броню стол... Неужели он погасит взрыв? Выдержит? Не может быть такого. Мощность взрыва рассчитана специалистами.

– Мне нужно позвонить в Берлин, – шепчет Штауффенберр, наклонясь к фельдмаршалу Кейтелю. Тот морщится и с раздражением смотрит на графа. «Какие еще могут быть звонки у полковника, которого пригласили на доклад к фюреру?!» – изумленно восклицает фельдмаршал. Но делает это мысленно, одним только взглядом.

– Я вынужден выйти. Звонок в штаб... – зачем-то сообщает Штауффенберг уже завершившему доклад Брандту. Словно этот фронтовой полковник вдруг может хватиться его. Но Брандт промокнул платочком вспотевший висок и даже не взглянул на Штауффенберга.

Согнувшись, прячась за его спиной, заговорщик попятился к выходу, потом резко повернулся и еле сдержал себя, чтобы не выбежать за дверь. Сердце его бешено колотилось. Обе руки – даже та, оторванная кисть – дрожали. Он явственно ощущал это, оторванная ладонь взмокла от пота и мелко, предательски дрожала.

⁷ Генерал-лейтенант Адольф Хойзингер, начальник оперативного отдела генштаба сухопутных войск, в этой передышке уцелел. После войны, в 1957–1961 годах, он еще служил генеральным инспектором бундесвера. Умер в 1982 году.

Оказавшись на улице, граф вдруг почувствовал, как ноги его в колениках подкосились от страха. В ужасе оглянувшись на входную дверь, он скорым шагом, срывающимся на панический бег, бросился к находившейся здесь же, за небольшой рощицей, посреди которой естественным образом замаскированный огромными деревьями ждал своего исторического часа павильон для совещаний, стоянке. Полковник потерял ощущение времени и ему казалось, что взрыв должен произойти с секунды на секунду, – еще до того, как он достигнет машины, в которой его ждали водитель и адъютант фон Хефтен.

Обер-лейтенант выскочил из машины, открыл дверцу, словно спасая Штауффенберга от погони, буквально затолкал его в салон рядом с водителем и, плюхнувшись на заднее сиденье, крикнул:

– Поскорее на аэродром. У полковника срочный вылет.

Мотор был заведен и водитель подготовлен к тому, что после доклада у фюрера шефу адъютанта понадобится как можно быстрее добраться до ожидавшего его самолета, чтобы попасть на важное совещание в Берлине. Все это было объяснено ему как бы между прочим, чтобы не вызвать даже искры подозрения. Но унтер-офицер привык к тому, что здесь все всегда смертельно торопятся: из ставки на аэродром, с аэродрома – в ставку.

А в это время в павильоне, где шло совещание, создалась странная ситуация. Свой доклад генерал Хойзингер закончил очень быстро – он всегда отличался предельным лаконизмом. Не задавая ему никаких вопросов, Гитлер, заглянув в лежащую перед ним бумажку, проговорил: «Штаб армии резерва сухопутных войск. Полковник Штауффенберг» и лишь затем обратил свой взор на пустой стул, скользнул взглядом по Брандту, Кейтелю...

Брандт нервно передернул ногами, словно это он виноват в том, что Штауффенберг исчез, и вдруг ощутил, что носок его сапога уперся во что-то мягкое.

«Портфель Штауффенберга», – понял он и, мгновенно наклонившись, переставил его по другую сторону стойки, подальше от фюрера, еще и затолкал под стол.

Одно движение руки.

Одно машинальное движение человека, избавляющегося от мелкого неудобства. Не будь его и, возможно, весь ход истории Германии, весь ход мировой истории пошел бы совершенно по иному пути. И уж в любом случае – по несколько иному сценарию.

– Где Штауффенберг? – сухо, настороженно спросил фюрер. – Я спрашиваю, где начальник штаба армии резерва, который должен докладывать?

Кто-то из сидевших здесь офицеров бросился в фойе, чтобы разыскать недисциплинированного полковника. Но Кейтель, осознавая, что это прежде всего его вина, он позволил графу оставить совещание ради какого-то там звонка в Берлин, лично поднялся и направился к выходу.

Фельдмаршал помнил, что Штауффенберг мог звонить только из его, Кейтеля, резиденции, и потому лучше других знал, где искать полковника. Он уже преодолел фойе, когда мощная взрывная волна буквально смела его с ног и швырнула о стену.

Падая, Кейтель успел выставить вперед руки, предохраняясь от удара, и, оказавшись у самой стены, он тем самым спасся от части обрушившегося в другом конце фойе потолка. Он же и первым пришел в себя. Прорываясь через тучи пыли, обломки стены и дверей, он ворвался в зал для совещаний:

– Где фюрер?! Что с ним?!

Переступая через чьи-то тела, Кейтель добрался до лежащего у края стола полковника Брандта и, еще не зная, жив он или мертв, ухватился за свисающий с массивной стойки край стола. Именно из-под этого обломка показался обожженный затылок фюрера, а затем его покрытое копотью и пылью до неузнаваемости искаженное лицо.

Подхватив Гитлера под мышки, Кейтель буквально выволок его из зала, а затем из фойе, в ужасе оглядываясь на руины павильона и с секунды на секунду ожидая следующего взрыва. Почему-то его упорно преследовало предчувствие, что взрыв должен быть не один.

– Где Штауффенберг?! – спросил офицера, испуганно выбежавшего из штаба. Словно поиски беглого полковника значили сейчас больше, чем извлечение из-под обломков полуразрушенного здания людей. – Немедленно разыщите полковника Штауффенберга.

Но вместо того, чтобы что-то ответить или броситься назад, к зданию штаба, майор оцепенело уставился на хромящего и находящегося в каком-то полубморочном состоянии фюрера. Изорванный китель, брюки, превратившиеся в грязные лохмотья, исцарапанное пятнистое лицо. Явление Христа поразило бы майора-штабиста меньше, чем подобный вид вождя нации.

– Господи, – испуганно пробормотал он, – Что же это? Как же такое может быть?

– Может, – прохрипел в ответ фюрер, глядя на офицера налившимися кровью глазами.

9

Взрыв показался Штауффенбергу настолько мощным, что в какое-то мгновение ему почудилось, будто вместе со столбом пыли, осколками и пламенем в воздух вздымается вся та стена леса, что подступает к воротам наиболее охраняемой зоны «А».

От неожиданности водитель бросил руль, в ужасе посмотрел на полковника и вновь успел вцепиться в баранку только тогда, когда передок машины чуть было не врезался в придорожную сосну.

– К воротам, водитель, к воротам! – сквозь сцепленные зубы прорычал Штауффенберг, и единственный глаз его покрылся замутненной пленкой.

– Что там? Что произошло?! – выскочил из будки охранника дежурный офицер.

– Об этом вы узнаете, когда вам будет положено, – резко ответил Штауффенберг, не выходя из машины, а лишь приоткрывая дверцу. – Я – начальник штаба армии резерва. Немедленно поднимите шлагбаум и пропустите машину.

– Но что это за взрыв?

– Сейчас не время выяснять. На аэродроме меня ждет самолет! – взрывается теперь уже полковник. – Это приказ фюрера, – как-то само собой срывается у него из уст. Он и не помышлял прикрываться авторитетом того «дьявола во плоти», которого только что отправил к другому контрольно-пропускному пункту, именуемому воротами ада.

Обер-лейтенант растерянно смотрит то на Штауффенберга, то на оседающий султан взрыва. Он уяснил, что произошло что-то страшное. Что-то такое, что никак не могло и не должно было произойти. А тут еще этот полковник, спешащий на аэродром, чтобы отбыть в Берлин... Его отъезд, конечно же, как-то связан со страшным происшествием в ставке. Но каким образом?

– Вы что, не поняли меня? – еще внушительнее орет Штауффенберг, выхватывая пистолет. – Немедленно прикажите пропустить машину! Неужели не видите, что там происходит?!

– Да, вижу... – омертвевшим голосом соглашается обер-лейтенант. Приказав солдатам открыть ворота, он совершенно забыл, что продолжает стоять у передка машины.

– Объезжай его, объезжай, – вполголоса подсказывает водителю фон Хефтен.

Только сейчас унтер-офицер наконец проникается важностью этой поездки. Не задавая лишних вопросов и не раздумывая, он сдает чуть назад, резко объезжает дежурного офицера и буквально протискивается в образовавшийся в воротах просвет.

– Теперь главное, чтобы на месте оказался Фельгибель, – откидывается Штауффенберг на спинку сиденья и облегченно вздыхает.

– Он на месте, – уверенно заявляет фон Хефтен, немного успокаиваясь. Были мгновения, когда ему казалось, что все – провал! Он готов был выскочить из машины и броситься в лес, чтобы потом попытаться каким-то образом вырваться из ставки. Или по крайней мере спокойно пустить себе пулю в лоб, поскольку твердо решил для себя: не попадаться, не утруждать своим присутствием и упорством следователей гестапо. – Там, впереди, еще один контрольно-пропускной, – предупреждает он.

– Ворота Южной зоны, – беззаботно подтверждает водитель. Он единственный в этой машине чист и безвинен, как ангел. – Но если выпустили из зоны «А», там тоже выпустят.

«А вдруг он догадывается, кого везет в своей машине, – закрадывается у полковника смутное пока еще подозрение. – В таком случае он действительно святой».

Они слышали, как взвыли сирены слишком запоздалой тревоги. И, оглянувшись, фон Хефтен увидел через заднее стекло, что позади них солдаты охраны преграждают дорогу лежавшими доселе у ее обочины рогатками и мотками колючей проволоки.

– Выезд всех машин из ставки строго запрещен! – рявкает коренастый пышнощекий лейтенант, выскакивая из дежурки и на ходу напяливая на себя рогатую каску, сразу же превращающую его в некое подобие не до конца обмундированного рыцаря. – Объявлена тревога. Приказано задерживать всех въезжающих и выезжающих.

– Мне известно это лучше вас, лейтенант. Но у меня задание фюрера, с которым я срочно должен вылететь в Берлин, – поспешно оставляет машину Штауффенберг. – Мой отъезд связан именно с этим происшествием.

«Здесь нас не пропустят, – с убийственной рассудительностью говорит себе Хефтен, растегивая кобуру. – Мы потеряли время. Те две-три минуты, что мы провели у КПП зоны «А», – вот время нашего спасения, которое уже не вернуть».

Немного помедлив, он тоже вышел из машины, но водителю приказал держать мотор заведенным. Пилот ждать не станет.

Сейчас он должен быть рядом с полковником. Лейтенант и двое солдат против них двоих. Ах да, еще водитель... Но все же можно рискнуть. Фон Хефтену кажется, что главное – вырваться из ставки. Так заключенному, оказавшемуся в лагере смерти, кажется, что там, за колючей проволокой, мир ждет его с распростертыми объятиями.

Фон Хефтен вошел в караулку в ту минуту, когда Штауффенберг уже напропалую требовал связать его с комендантом «Волчьего логова».

«Только не это, – почти шепчет Хефтен, пытаясь остановить полковника. – Только не коменданта».

Однако, уступая напору полковника, лейтенант уже набирает по внутреннему телефону нужный номер. И адъютант смиряется. Он понимает, что полковник блефует. Но также понимает и то, что беседа с комендантом – их последний шанс. Если в павильоне все погибли, или пусть даже половина тяжело ранена, – там еще вряд ли выяснили, кто ушел до взрыва, а главное, кто подложил взрывчатку.

– Коменданта нет, – едва шевелит задеревеневшими губами лейтенант. – Говорят, это взорвалась мина в зале совещания, в котором находился фюрер. – Он в ужасе смотрит на полковника и его адъютанта. – Комендант на месте происшествия.

– Тогда с кем вы говорите? – вырывает из его рук трубку граф Штауффенберг. – Алло, здесь начальник штаба армии резерва полковник Штауффенберг. С кем я говорю?

– Заместитель коменданта, подполковник Гельнер. Нам приказано...

– Я знаю, что вам приказано, подполковник, – прерывает его Штауффенберг. – Вы знаете меня, Гельнер? Это я, Штауффенберг! – Господи, так может повезти только раз в жизни! Полковник совершенно не был знаком с комендантом. Но Гельнера, Гельнера-то он знал еще по своему предыдущему месту службы. – У меня задание фюрера. Да-да, в связи с тем, что произошло. Мне приказано срочно вылететь в Берлин, чтобы там были приняты меры. Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь?!

– Но мне нужно решить этот вопрос с комендантом.

– Вам нужно немедленно приказать начальнику поста, чтобы он пропустил машину – вот что вам нужно, Гельнер! Какие еще доводы вам приводить, чтобы вы выполнили свой долг, свою прямую обязанность? Я передаю трубку начальнику поста и еду на аэродром.

Еще несколько секунд лейтенант то ли ждет, приложив трубку к уху, решения подполковника, то ли выслушивает его наставления.

– Если это приказ, который отменяет полученный мною ранее... – наконец говорит он, все еще недоверчиво поглядывая на Штауффенберга.

– Да, он отменяет, – прорывается приглушенный расстоянием и мембраной голос Гельнера.

– В таком случае я выполняю ваш приказ.

До самого аэродрома Штауффенберг ехал молча, творя про себя молитвы. Он понимал, что вырвался из Южной зоны только чудом, поскольку никакая иная машина в течение этого дня с территории ставки выпущена наверняка не будет. Но в то же время он лихорадочно оглядывался, не видно ли погони.

К счастью, никаких особых указаний пилот связного «Хейнкеля-III» не получал. Оказавшись на борту, Штауффенберг велел ему немедленно взлетать и брать курс на Берлин.

– В ставке, кажется, что-то произошло? – неуверенно спросил капитан военно-воздушных сил, прежде чем зайти в свою кабину.

– В ставке всегда что-нибудь да происходит, капитану, – назидательно объяснил ему граф, твердо решив, что если пилот откажется вылетать, они с адъютантом заставят его сделать это под дулами пистолетов.

Когда самолет наконец оторвался от земли, полковник почувствовал себя так, словно он сам уже вознесся в небеса, поскольку душа его взлетела вместе с душами всех погребенных им под развалинами павильона. Черное чрево самолета показалось сумрачным залом часовенки посреди старинного кладбища. А на двери, ведущей в кабину пилота, явственно просматривалось распятие. Штауффенберг едва удержался, чтобы не пасть перед ним на колени.

– Под нами Растенбург, – прервал его погружение в мир привидений адъютант фон Хефтен. – Знать бы, что там сейчас происходит – в Берлине и вообще в мире.

– Как-никак прошло полчаса. Ну-ка поинтересуйтесь у пилота. Должна же у него быть радиосвязь с землей.

Фон Хефтен, пошатываясь, идет к кабине пилота, но уже через минуту возвращается и удивленно пожимает плечами.

– Даже предположить не мог, что у него вообще нет рации. Он сказал, что до Берлина еще чуть более часа лета и что никакой связи с аэродромом у него нет. Вы представляете себе, господин полковник, как можно летать под военным небом, не имея радиосвязи?

– У меня страшное предчувствие, фон Хефтен.

– Что нас арестуют? – садится на свое место рядом с полковником обер-лейтенант. – Сразу же, как только приземлимся.

– Не только относительно ареста.

– Что не работает другое радио, генерала Фельгибеля?

– Пока что я не могу понять, с чем именно оно связано. Но у меня предчувствие, обер-лейтенант. Которое, к сожалению, крайне редко подводит меня. Если только речь идет о крупных неприятностях.

Фон Хефтен непроизвольно окинул взглядом изувеченную фигуру полковника. Большого доказательства правдивости его предчувствий не требовалось.

10

Заместитель командующего армией резерва генерал Ольбрихт как можно спокойнее взглянул на часы и, отметив про себя, что после «часа X» прошло уже более пяти минут, приказал находящемуся здесь же, в кабинете, адъютанту срочно соединить его с начальником службы связи Верховного главнокомандования вермахта.

Пока тот пробивался до узла связи «Вольфшанце», Ольбрихт прохаживался мимо сидящих вполоборота к нему генералов, один из которых, генерал-полковник Бек, согласно их плану, должен был принять на себя обязанности президента новой Германии; другой – Геппнер – возглавить армию резерва. Если операция «Валькирия» пройдет успешно, то уже через несколько часов оба эти господина окажутся его, Ольбрихта, начальниками.

Подумав об этом, Ольбрихт снисходительно хмыкнул про себя. В подготовительной суете организаторы забыли определиться лично с ним, Ольбрихтом. Не то чтобы совсем, но как-то слишком уж неясно.

Оно, конечно, не время сейчас делить посты и портфели, как бы не пришлось разбираться с висельничными петлями. И все же... В свои шестьдесят четыре, при тех заслугах, а также усилиях и риске, которые выпали на его долю в этом святом заговоре генералов, он мог бы спокойно претендовать и на любой из этих двух постов. Или пост главнокомандующего сухопутными силами, который почему-то предопределен фельдмаршалу Витцлебену.

– На связи генерал Фельгибель, – слышится из адъютантской голос дежурного офицера. Ольбрихт метнулся к столу, схватил трубку.

– Здесь генерал Ольбрихт. Что там у вас происходит, генерал? До нас дошли слухи...

– Они правдивы, – голос Фельгибеля сухой, взволнованный, и в какие-то мгновения Ольбрихту кажется, что он дрожит. – Совершенно покушение на фюрера. Об этом, очевидно, будет официальное сообщение, – на всякий случай подстраховывается начальник службы связи, чтобы подслушивающие воспринимали его слова как официальный ответ на запрос штаба армии резерва, а не как беседу двух заговорщиков. – Взрыв был очень мощным. Очень...

– А что фюрер?

– Хотите спросить, не погиб ли он? К счастью, он жив и находится в безопасности.

Худощавое лицо Ольбрихта покрывается испариной. Забыв о платочке, он прямо ладонью вытирает глубокие, чуть ли не до темени, залысины, и нервно подергивает плечами.

– Вы уверены, что фюрер в безопасности? Что он жив, и что?..

Бек и Геппнер медленно, словно лунатики, поднимаются со своих мест и почти на носках приближаются к столу, за которым стоит заместитель командующего армии резерва, словно хотят услышать ответы Фельгибеля собственными ушами.

– Я бы, скорее всего, ответил, что да, уверен. Но сейчас здесь слишком много людей, все звинчены и никто ничего толком не знает. Если позволите, я позвоню вам через несколько минут.

– Мы уже ждали твоего звонка, Фриц, – только сейчас, несколько опрометчиво, напоминает ему Ольбрихт о том, что он сам обязан был связаться с ним и произнести хотя бы ту одну-единственную фразу, которая была ими обусловлена, – «Штиф приведен в движение». Именно она послужила бы сигналом к проведению всей операции «Валькирия». – И будем ждать дальше.

Ольбрихт положил трубку и, сдернув с переносицы невзрачные мутноватые очки в круглой металлической оправе, принялся усердно протирать их, стараясь при этом не встречаться взглядом со своими сообщниками.

– Не кажется ли вам, что если бы фюрер погиб, Фельгибель уже знал бы об этом? – сдавленным голосом говорит Геппнер.

– Но взрыв произошел, Фельгибель подтвердил это, – возражает Бек. Он всегда выглядел несколько решительнее Гепнера.

– Из этого ничего не следует, – упрямятствует Гепнер.

Еще осенью сорок первого Гепнеру прочили большое будущее и даже ставили его в один ряд с Гудерианом и Манштейном. Но уже зимой, спасая свою 4-ю танковую армию, где-то там, в русских снегах, он отдал приказ о ее отступлении, не получив на то соизволения фюрера. И был отправлен в отставку без права ношения формы. Поговаривали, что Гитлер даже грозился вообще разжаловать его до рядового и отправить в окопы, но потом поддался на уговоры Кейтеля и смирил свой несправедливый гнев. Вот тогда Гепнер сник. Тогда и затаил ненависть к Гитлеру, которая со временем привела его в стан «валькиристов».

– В любом случае нам следует действовать, – еще более жестко утверждает свою решительность Бек, тоже в свое время изгнанный. Свою непонятную многим решительность он доказал, еще будучи в должности начальника штаба вермахта, когда, задолго до этой войны выступил против решения фюрера оккупировать Прагу. За что и получил насмешливо-презрительную кличку «Пражский Миротворец». Однако теперь, когда Гитлер отправлен к пратцам и придется вести трудные переговоры с Англией и Америкой, его «пражское миротворчество» представлялось очень даже кстати.

В томительном ожидании прошло пять минут, десять. Фельгибель не звонил. И чем дольше длилось его молчание, тем больше в сознание Ольбрихта закрадывалось подозрение, что он уже никогда не позвонит сюда: то ли окончательно струсил, то ли уже арестован.

Приказав адъютанту находиться у телефона в ожидании звонка Фельгибеля, Ольбрихт заявил, что идет к Фромму.

– Может, нам пойти всем вместе? – предлагает Бек.

– Я против, – сразу же предупреждает Гепнер. И Бек понимает его. Во время беседы с командующим Гепнер чувствовал бы себя слишком неловко. Ведь Фромм не догадывается, что перед ним человек, который через час должен занять его кабинет.

– Я постараюсь убедить Фромма. Если же нет... – Ольбрихт не договаривает, но оба генерала почему-то переводят взгляды на кобуру его пистолета.

– Если он заупрямится, нам придется действовать самим, – смягчает их решимость Ольбрихт.

11

Фромм ждал его появления. Как только Ольбрихт вошел, командующий весь напрягся и выжидающе уставился на него. До сих пор Фромм держался как бы в стороне от заговорщиков. То есть он, вроде бы, поддерживал их, но в то же время не давал никаких оснований для уверенности в нем. Вот почему каждый раз, когда доходило до определения действий командующего, путчисты вынуждены были оговаривать: «Если Фромм не примкнет к нам, его придется изолировать, заменив Геттером».

– Что-то я не вижу Штауффенберга. Нам важно знать, одобрил фюрер план создания новых частей из ополченцев или нет, – первым заговорил командующий, давая понять, что его интересует сейчас только это.

«Как же он заботится о своем алиби! – недовольно поморщился Ольбрихт. – Наверняка уже продумал как минимум пять версий объяснения своего бездействия на случай провала. “Да, оказывается, заговорщики действовали под крышей штаба армии резерва. Но причем здесь я?”»

– Мы тоже пока не видим здесь полковника Штауффенберга, господин командующий, – воинственно отвечает Ольбрихт. – Но для того, чтобы вернуться из «Волчьего логова», нужно время. И стоит ли нам терять его? Только что я беседовал с генералом Фельгибелем. Он передает, что покушение на фюрера состоялось. Вся ставка в панике. Больше нам ждать нечего. Мы просили бы вас, господин генерал-полковник, отдать подчиненным частям приказ о действиях согласно плану «Валькирия».

– Подождите вы со своим планом «Валькирия», Ольбрихт... – вырастает из-за стола гигантская фигура командующего. – Кто подтвердил, что покушение действительно состоялось, – да, нет? – Лицо командующего становится пепельно-серым, а пальцы он сжимает в кулаки, возможно, только для того, чтобы не выдавать дрожи. Однако Ольбрихт старается не замечать этого. Он и сам пребывает в адском напряжении.

– Это подтвердил сам начальник службы связи Верховного командования вермахта генерал Фельгибель. Он сейчас там, в ставке фюрера. И кто, как не он...

– Заверения Фельгибеля – еще не доказательство. Есть официальное сообщение о том, что фюрер погиб? – стоит на своем командующий армией резерва. – Я спрашиваю: да, нет? А мне нужны четкие, убедительные доказательства.

– Но вы можете сами связаться со ставкой и проверить.

– Именно это я и намерен сделать. И пока не услышу подтверждения из уст самого Кейтеля...

– Кейтель был на совещании. Его могло спасти только чудо.

– Чудо – это как раз для Кейтеля, – медленно двигает массивной, похожей на жернов, нижней челюстью Фромм; Ольбрихт пытается понять сказанное им, но не может.

Все проясняется буквально через минуту. Ольбрихт потрясен. Кейтель отвечает сразу же. В иное время до него почти невозможно дозвониться, невозможно выловить в штабных лабиринтах ставки, а тут вдруг...

– Господин фельдмаршал, – торжественно-заискивающим тоном начинает Фромм. – Я хотел бы выяснить, правда ли, что?..

– Это произошло, Фромм. Это произошло! – разъяренно кричит в трубку начальник штаба Верховного командования вермахта. – Какие-то грязные подонки, предатели рейха, осмелились совершить покушение на фюрера. Но вы не должны выполнять никаких приказов, кроме тех, что поступают из ставки. Вы поняли меня, Фромм? Мы пока не знаем, кто они. Но очень скоро заговорщики выдадут себя. Кое-какие подозрения уже имеются. Поэтому никаких приказов, которые могли бы изменить ситуацию, в столице.

– То есть фюрер жив?

– Жив и совершенно невредим. Сообщите об этом всем офицерам своего штаба. Важно, чтобы они знали. Он, конечно, получил несколько царапин, слегка оглушен... Но мы-то, военные, понимаем, что это чепуха. Да, еще четыре человека тяжело ранены. Один полковник, кажется, убит. Или умер уже в госпитале.

– Значит, господь по-прежнему хранит нашего фюрера, – громыхает в трубку Фромм, победно, по-садистски, ухмыляясь Ольбрихту. И тому кажется, что, положив на рычаг трубку, командующий тотчас же возьмется за пистолет.

– Кстати, здесь был ваш начальник штаба полковник Штауффенберг. И, как только что выяснилось, он куда-то внезапно исчез. Причем за несколько минут до взрыва. Прямо из зала совещания. Вам известно, где он сейчас находится?

– Никак нет.

– Вы точно знаете, что он еще не появлялся у вас?

– Я спрошу у присутствующего здесь моего заместителя. Генерал, вам что-либо известно о местонахождении полковника Штауффенберга? – спрашивает он, обращаясь к Ольбрихту, но не отнимая трубки от уха.

– Пока что нет.

Фромм повторяет его ответ фельдмаршалу.

– Как только он появится, – грозно повышает тон Кейтель, – примите меры к тому, чтобы задержать его. Исчезновение полковника кажется нам достаточно подозрительным. Вот так, генерал.

«Это все! – понимает Ольбрихт. – Провал. Все мы погибли. Как же это могло случиться?»

Связь прервалась, но Фромм еще какое-то время стоит у аппарата с трубкой в руке и с уничтожающей презрительностью смотрит на своего заместителя.

– Так что вы мне здесь рассказываете, Ольбрихт? Фюрер, говорите, мертв? Или, может быть, хотите убедить меня, что это Кейтель лжет? Они даже знают, чья это работа – ваш взрыв. Интересно, как вы будете выпутываться сейчас из всего того кавардака, который устроили здесь – да, нет?

«Уже сейчас он дает понять, что не имеет ничего общего с нами, – похолодело в висках у Ольбрихта. – Сколько же вас сейчас обнаружится, таких вот... предателей!»

Ольбрихт поворачивается и, сутулясь, еле шевеля ногами, словно сам только что оказался в эпицентре взрыва, повергнувшего в смятение всю ставку фюрера, бредет к двери. Но у края стола останавливается и медленно поворачивается к командующему.

– Если говорить честно, я не уверен, что Кейтель сказал всю правду. Возможно, они там, в ставке, всего лишь выигрывают время, чтобы взять под контроль основные рычаги власти.

– И поэтому скрывают от нас? – уже спокойнее уточняет Фромм.

– Естественно. Это в их интересах.

– Но какие у вас доводы, кроме собственных сомнений? И попомните меня, чем скорее этот одноглазый окажется на том свете, тем меньшей кровью отделаетесь все вы. Если только вы тоже замешаны в этом заговоре, генерал Ольбрихт, – неожиданно указывает он путь к спасению, приглашая Ольбрихта под свое, покровительственное крыло. – В чем я очень сомневаюсь.

– Замешан.

– Вот как?

– И вы прекрасно знаете об этом. Замешан, как замешаны и вы.

– Прекратите свои глупые шутки, Ольбрихт.

– Даже если окажется, – не дает ему договорить Ольбрихт, – что фюрер действительно остался в живых, нам все равно следует действовать. Мы не одни. Нас поддержат Роммель, Штюльпнгель, Клюге. В нашем распоряжении находится несколько военных училищ и частей

в самом Берлине... Поймите, господин Фромм, если мы упустим время, то время упустит нас. Хотя речь сейчас идет уже не о нас – о спасении Германии.

Фромм самодовольно хмыкает и по-наполеоновски скрещивает руки на груди.

– Поскольку это разговор тет-а-тет. Только из уважения... Вам известны были мои условия. Теперь, очевидно, что вы, то есть ваши дружки, опять напортачили. Этот ваш трусливый циклоп, из-за которого вы, как помнится, уже дважды поднимали войска по тревоге... да, нет? Как только вы могли полагаться на это ничтожество?

– Не смейте так говорить об этом человеке!

– Как вы могли положиться на это ничтожество, Ольбрихт? – ожесточился Фромм, грохая кулаками по столу. – Вот чего я не могу понять. Обо всем остальном я попросту не слышал.

Несколько минут Ольбрихт угрюмо молчал. В душе он уже готов был согласиться с Фроммом. Он помнил, как долго Штауффенберг решался, как, пронося взрывчатку в зал совещания, трусливо возвращался с ней сюда, в штаб. Но даже если он, Ольбрихт, взберется сейчас на стол командующего и, стоя на нем, провозгласит перед всеми сотрудниками, что Штауффенберг негодяй и последнее ничтожество... Что от этого изменится?

– Господин командующий, сейчас не время... Многое зависит лично от вас. Все равно ведь ваше участие будет определено. Так не лучше ли сейчас, пока не поздно, действовать более решительно?

– Я уже сказал, генерал Ольбрихт! – побагровел Фромм. – Если только дело дойдет до... Я не только не знал о подготовке покушения, но и вас, лично вас, тоже не знал!

12

Муссолини летел на встречу с Гитлером. Арест офицерами королевской гвардии, скитания по местам заключения, наконец, похищение, совершенное с вершины Абруццо диверсантами Скорцени, – все эти события, сокрушившие столь старательно создаваемый им образ великого дуче, психологически надломили бывшего премьер-министра Италии. А первые дни пребывания в Германии на правах то ли бежавшего из тюрьмы уголовного, то ли политического эмигранта, деликатно именуемого «яичным гостем фюрера», еще и показались Муссолини оскорбительными. Да, оскорбительными, хотя никакой вины в этом ни фюрера, ни кого бы то ни было из германских политиков не было.

Самолет пролетал над Австрией, и дуче мог видеть вершины Восточных Альп; голубовато-зеленые чаши озер, лазуревато-голубые поблескивающих посреди горных лугов; извилистые вены горных речушек, самозабвенно устремляющихся к беспокойному предгорному Инну⁸...

Муссолини специально попросил пилота, чтобы он держался как можно ниже, что позволяло ему осматривать с подоблачной высоты все то, что еще оставалось в его владении на севере Италии; еще раз пройтись взглядом по территории его несостоявшейся империи, по которой в последнее время он так жадно рыскал с помощью самых крупномасштабных, предоставленных ему штабом обергруппенфюрера СС Вольфа⁹ карт.

– Было бы удобнее, если бы наша встреча проходила здесь, в Берхтесгадене, – пожаловался Муссолини склонившемуся к нему личному секретарю. Он прибывал в ставку фюрера налегке, без дипломатической свиты и протокольной прислуги. Не то время сейчас, чтобы устраивать помпезные выезды к соседним правителям, не то...

– Но Гитлер, говорят, надолго перебрался в Растенбург, чтобы быть поближе к фронтам. К тому же «Волчьего логова» лучше подготовлено к налетам авиации противника и надежнее охраняется.

– А мне вот приходится тащиться к нему через всю Европу. И добро бы – в Берлин.

Секретарь, он же личный телохранитель дуче, молчаливо склонил голову, как бы скорбя по безвременному утраченному его покровителем самолюбию. В другие времена, по которым так грустит теперь даже Гитлер, он, Муссолини, возможно, еще и подумал бы, следует ли наносить визит при условии, что ему не будет оказан прием, достойный вождя Италии. Однако в те времена Гитлер тоже не стал бы принимать его в каком-то затхлом бункере, теряя при этом возможность продемонстрировать всей Европе, что, невзирая ни на что, ось «Рим – Берлин» существует, а мощь двух стран способна противостоять...

Впрочем, что осталось от этой мощи и кому она способна нынче противостоять, если американцы уже заняли половину его несчастной, раздираемой гражданской войной Италии?

Вершины Альп остались позади, и теперь под крылом самолета медленно таяли в белесой дымке испещренные коричневатыми крышами замков и крепостей да прищипленные к небесам остриями сборов небольшие, голубовато-зеленые равнины Баварии. Всматриваясь в них через запотевший иллюминатор, Муссолини думал сейчас о том же, о чем верноподданнически страдал за него секретарь. Ситуация на севере Италии представлялась таковой, что, возможно, через месяц-другой ему вновь придется искать спасения в Германии, в ставке сво-

⁸ Река, протекающая по границе между Австрией и Германией и являющаяся притоком Дуная.

⁹ После создания на севере Италии марионеточного правительства этой территории во главе с Муссолини бывший адъютант Гимmlера обергруппенфюрер Карл Вольф был назначен Гитлером высшим фюрером СС и полиции Италии. Исходя из неограниченности своих полномочий, он, по существу, являлся военным губернатором подконтрольной дуче территории, сосредотачивая в своих руках всю реальную власть.

его последнего, единственного союзника. И тогда «Вольфшанце» окажется пристанищем сразу двух вождей.

Не хотелось бы Муссолини дожить до этих дней, не хотелось бы. Но англо-американцы уже близко. Король и маршал Бадольо тоже давно готовы растерзать его беспомощную «армию». Но всего опаснее представлялись ему прокоммунистически настроенные партизаны, отрядов которых становилось в горах все больше и больше.

Конечно, Муссолини был рад, что фюрер все еще принимает его как главу государства, хоть как-то считается с ним. В то же время он понимал всю условность договоренностей, которые будут достигнуты в «Вольфшанце», поскольку Германия сама находится на пороге краха – военного, экономического, политического.

К тому же дуче неприятно шокировало само идиотское название ставки, в которой будет происходить их встреча. Он представлял себе, с какой иронией будут читать его макаронники в римских газетах о том, как дуче и фюрер, забравшись в «Волчье логово», о чем-то там якобы договаривались. Уж не о том ли, в какое логово забиться, когда станет ясно, что обе их империи окончательно рухнули?

«Три тысячелетия нашей истории позволяют нам, итальянцам, с величественным равнодушием воспринимать доктрины, существующие по ту сторону Альп, – неожиданно вспомнились ему собственные, преисполненные цезарского величия слова, сказанные в одной из речей еще в те, довоенные времена, когда он готовился к великой войне за Африку. Когда, еще предвкушая победу в Абиссинии, помышлял о превентивной войне против Англии, а газеты Италии даже позволяли себе откровенно антигерманские публикации, готовя общественное мнение к военному конфликту с Германией на стороне Австрии. – ...Доктрины, разработанные потомками тех людей, которые в дни Цезаря, Вергилия и Августа еще не знали грамоты». И все это о германцах!

Муссолини уже не мог припомнить этот свой пассаж в дословном изложении, но произнесено было именно в таком духе. Если Гитлеру решились пересказать его слова, он, очевидно, воспринял их как оплеуху. Но ведь наверняка не пересказали. Пощадили имперское величие фюрера великой Германии, распространявшееся к тому времени уже по обе стороны Альп.

Зато ему, Муссолини, немедленно докладывали о каждом политическом шаге, о каждом высказывании Гитлера относительно Италии и ее дуче. Особенно дуче. И были времена, когда фюрер откровенно лебезил перед ним. Как тогда, когда решался вопрос о Рейнской области¹⁰ или когда Гитлер побаивался слишком глубоко втягиваться в гражданскую войну в Испании и решительность пришлось проявлять итальянским генералам.

– Мы уже рядом с Судетами, – приблизился к нему секретарь, успевший до этого заглянуть в пилотскую кабину. – Сейчас пилот сменит высоту, побаивается, как бы в небе не появились русские истребители, постоянно околачивающиеся над соседними Карпатами.

– Сколь высоко ни забирались бы пилоты, вознестись в небеса во время этого полета нам не суждено, – заклинаяще проговорил дуче и, сняв пилотку, принялся обмахиваться ею, думая при этом о чем-то своем. Взгляд его остекленел, губы едва заметно шевелились, вскинутый подбородок принадлежал уже не изгнаннику, нашедшему себе приют на забытых Богом берегах озера Гарда, а дуче, наследнику славы величайших римских императоров.

– Вы правы, синьор Муссолини, вознестись нам уже не дано, – поддался влиянию его угасающего величия секретарь.

«Интересно, – подумал Муссолини, совершенно забыв о существовании и секретаря, и сидевших позади него двух министров. – Перевез ли Гитлер в свой бункер мой бюст, который

¹⁰ Имеется в виду занятие германскими войсками в марте 1937 года Рейнской области, которая до этого являлась демилитаризованной.

стоял в его рабочем кабинете в Коричневом доме? Прекрасный, великолепной работы бронзовый бюст».

Узнав, что, принимая важнейшие решения, касающиеся судеб Европы, фюрер лицезреет его бюст, Муссолини даже не возгордился, а воспринял это как дань справедливости. В конце концов, фашизм как общечеловеческая идея зародился не в Берлине, а в Риме. И мысленные взоры всех оплодотворенных этой идеей в любой точке мира обращены все же не к Берлину, а к первоисточнику.

Те несколько минут, пока они подлетали к Висле, Муссолини сидел, бездумно погружившись в состояние небытия. Раньше были целые недели, в течение которых он не в состоянии был унять свою буйную фантазию и клокочущую энергию. Какой потрясающей была тогда жизнь, как сладостно было, сидя в резиденции, обдумывать завтрашние выступления, приказы, приемы... Ранним утром он уже лихорадочно диктовал тексты, а поздним вечером вел беседы с генералами, планируя грандиозные военные операции, которые, по его замыслу, должны были вернуть Италии военный гений Древнего Рима.

Другое дело, что, кроме всего этого, его еще и хватало на ночные уличные вылазки, во время которых он инкогнито флиртовал с римскими проститутками. И даже близкие знакомые делали вид, что не узнают его из-за глубоко надвинутой на глаза шляпы да поднятого воротника измятого плаща. Но это уже воспоминания из тех, что на ночь глядя...

Когда полет в бездумие был завершен, Муссолини вновь ощутил, как вибрирует корпус самолета, словно он шел не по небесам, а по искореженной мостовой; прислушался к подозрительным захлебам моторов, и ему вдруг ностальгически захотелось в прошлое, в прожитое. Захотелось той единственной власти, которой не дано было ни одному императору, ни одному гению от политики ли, от фаланги – власти, достаточной для того, чтобы открутить пленку своей жизnehроники хотя бы на два-три года назад.

«Если Гитлер, этот мюнхенский колбасник, еще к тому же заставит меня ожидать приема в одном из сырых бараков ставки, я хлопну дверью и вернусь в Рокка делле Каминате, “к себе на озеро”, – подумал Муссолини. – Что, и в самом деле вернешься? – саркастически спросил он себя. – Ну-ну, весь генералитет “Вольфшанце”, вся газетная братия обхохочутся, узнав о том, что два великих фюрера погрызли в “Волчьем логове” и разбрелись по своим берлогам-бункерам».

Муссолини вдруг вспомнился его триумфальный приезд в Берлин в сентябре тридцать седьмого. Многотысячные толпы горожан, бюсты римских императоров на бесконечной триумфальной аллее, проложенной специально к его приезду от Бранденбургских ворот до Вест-Энда, кроны откуда-то появившихся лавровых деревьев, которых вполне хватило бы на венки для всего офицерского корпуса Италии.

А чего стоили римские колонны на Унтер-ден-Линден, на каждой из которых омывались золотистыми лучами великоимперские орлы, сносящие в Берлин со всего мира освященные богами свастики... И «народный митинг», на который была согнана... – впрочем, почему «согнана»? – сошлась чуть ли не четверть Германии. И льстивые, хотя и вполне заслуженные речи фюрера, провозглашавшего перед всем миром, что он, Муссолини, из тех немногих вершителей мировых судеб, которые никогда не служат истории материалом для ее экспериментов, поскольку сами позволяют себе экспериментировать с историей, творя и выворачивая ее наизнанку.

– Подлетаем к ставке фюрера в Восточной Пруссии, – вновь вырвал его из потока воспоминаний неутомимый секретарь. – В воздухе появились немецкие истребители, которые будут сопровождать нас до аэродрома в Растенбурге.

– Вот это уже кое о чем говорит, – самодовольно кивнул дуче. – Они там должны помнить, что не каждый день их удостаивает своим визитом сам Муссолини.

Самолет еще только приближался к Растенбургу, когда над занавешенными зеленоватой маскировочной сетью крышами «Вольфшанце» в воздух взметнулось пламя сильного взрыва, салютуя великому дуче Италии султаном камней, обломками бревен и стаями насмерть перепуганного, вопящего воронья.

Вместо того чтобы отпрянуть от иллюминатора, дуче почти инстинктивно прильнул к нему лицом.

Было нечто мистическое в этом «триумфальном салюте» последнему императору Италии. И пока аэродромные службы Растенбурга мурыжили их в воздухе, пытаясь выяснить, что же произошло в ставке и позволяет ли это происшествие принимать иностранные самолеты, Муссолини испуленно, хотя и незримо для своих спутников, молился, чтобы этот взрыв не оказался тем самым безвременным вознесением на небеса фюрера Великогерманского рейха. Это было бы не просто убиением – смертным и политическим – двух дуче-фюреров, но крахом двух великих государственных идей, гибелью двух империй, разрушением целой эпохи человечества.

«Я проделал столь трудный путь сюда не для того, чтобы нам пришлось встречаться на небесах, – заклинал он, с надеждой всматриваясь в ту сторону городка, за которой начиналась ставка фюрера. Вдруг там последует еще один взрыв. – Нам пока еще есть о чем потолковать здесь, на земле».

13

Больше всего Штауффенберга поражало, что Берлин все еще продолжал жить своей обычной, полуфронтной-полустоличной жизнью. Что происходит? Почему такое спокойствие? Никаких усиленных постов. Никаких заграждений и колонн. Никакого танкового прикрытия центральной части города.

– Они что, с ума здесь все посходили? – пробормотал он, обращаясь не столько к адъютанту, сколько к самому себе. – Чего они ждут? Уже прошла масса времени. К этому часу весь Берлин должен был находиться в наших руках.

Фон Хефтен резко наклоняется и сжимает плечо полковника, прерывая на полуслове. Тот понимает его: рядом сидит водитель запыленного с искореженными крыльями «опеля», выделенного им заместителем начальника аэродрома.

– Он уже тоже должен знать об этом, – в сердцах бросает Штауффенберг. – Что еще нужно было предпринять, чтобы эти бездельники наконец зашевелились? Поторопитесь, водитель, у меня нет времени.

– Да вон же, опять руины с завалами, – спокойно отвечает тот. – Вновь придется объезжать.

Шофер присмотрелся к желтеющему на столбе указателю и принялся искать объездной путь, по которому можно добраться до интересующей полковника Бендлерштрассе. Он явно не торопится, пребывая в таком неведении, как и все остальные в этом распроклятом городе, который все еще именуется столицей Третьего рейха. Несмотря на то, что уже почти два часа живет в Четвертом.

У Штауффенберга окончательно сдают нервы. Он непрерывно вертит головой, пытаясь то в лобовое, то в боковое стекла рассмотреть, выудить взглядом хоть какие-то признаки того, что столица все же узнала о свершившемся в «Волчьем логове». Лицо его постепенно бледнеет, тем не менее по осунувшимся щекам почти непрерывно катится пот. А ведь сидящий на заднем сиденье фон Хефтен в общем-то особой жары не ощущает.

Как только машина въехала во внутренний двор ставки резервной армии, Штауффенберг буквально выскакивает из нее и бежит к подъезду. Часовой пытается остановить его, но вовремя узнает. Или же просто не решается требовать документы.

– Полковник Штауффенберг, – предупредительно поднимает вверх указательный палец адъютант, как бы призывая солдата запомнить имя этого человека.

Но Штауффенбергу сейчас не до славы. Он врывается в приемную, затем в открытый кабинет генерала Ольбрихта и видит... что там никого нет!

– Где генерал? – спрашивает он у фон Хефтена.

Адъютант недоуменно пожимает плечами, выбегает в коридор и через минуту вновь появляется. Он явно смущен. И расстроен.

– Что, что?! – набрасывается на него полковник. – Объясните же!

– Мне сказали, что генералы Ольбрихт и Бек... что они обедают.

– Не понял, – едва слышно молвит полковник.

– Да, они спокойно обедают. Там, внизу, в офицерской столовой. Как обычно.

– Как обычно? – почти с ужасом спрашивает Штауффенберг. – О чем вы, Хефтен?

– Так мне сказали. Лично я их не видел.

– Вы что-нибудь понимаете?

– Очевидно, до сих пор не поступило никаких сообщений ни от Фельгибеля, ни от Штиффа¹¹. Здесь еще ни о чем не знают – только так я могу объяснить – но не оправдать – поведение генералов.

– Не знают о том, что был взрыв?! – Штауффенберг садится за стол, за которым генерал Ольбрихт обычно проводил совещания, и пальцами искореженной руки обхватывает пылающий висок. – Что же могло произойти с теми генералами из ставки, которые должны были передать сигнал? – бубнит он, словно молитву. – Что могло случиться? Что-то, конечно, произошло...

– Да ничего особенного... – пытается успокоить его адъютант, но полковник не дает ему договорить.

– Гиммлер, Геринг, а может, и Борман... уже взяли власть в свои руки – вот чем все это объясняется. И теперь все раскрылось.

Их гадание на кофейной гуще было прервано появлением Ольбрихта и Бека. Они во вполне нормальном расположении духа. Уже хотя бы потому, что за обедом успели пропустить по стаканчику вина из-за жары, а также благословляя друг друга на успешное проведение операции «Валькирия». Увидев подхватившегося Штауффенберга, они в замешательстве переглядываются и, кажется, чувствуют себя неловко.

– Почему? – почти задыхаясь, спрашивает их полковник. – Господин генерал, почему?.. Ведь прошло уже более двух часов...

– Не расстраивайтесь, полковник. Мы уже кое-что предприняли, – на ходу бросает Ольбрихт, направляясь к своему столу. – Несмотря на то, что Фельгибель так и не назвал нам никаких убедительных свидетельств того, что фюрер действительно мертв.

– Да мертв он, мертв! Зачем вам еще и свидетельства Фельгибеля? Я-то здесь, перед вами.

– И что же вы, стоя здесь, перед нами, можете сказать? – сухо, настороженно интересуется Ольбрихт.

– А то, что мина была заложена. И я своими глазами видел взрыв. Это может подтвердить мой адъютант. Обер-лейтенант фон Хефтен...

– В небо взметнулся такой столб, – подтвердил фон Хефтен, – что никто не сможет убедить меня, будто хоть один человек из находившихся в павильоне уцелел.

– Вот как? – ехидно уточняет Ольбрихт. – Я не собираюсь вас ни в чем убеждать. Как и вас, полковник. Но один уцелевший известен мне совершенно точно.

– Кто именно? – еще больше настораживается Штауффенберг.

– Кейтель. Фельдмаршал Кейтель.

– Не может этого быть! Кейтель погиб вместе с остальными. Он сидел рядом со мной и остался там. Всего в двух метрах от фюрера.

– Он мог сидеть даже в обнимку с фюрером, тем не менее остался жив, – парирует Ольбрихт. – Вам не кажется это странным?

Штауффенберг беспомощно оглядывается на фон Хефтена, ища у него поддержки. Но чем тот может помочь ему? Тогда полковник переводит взгляд на будущего президента. Или уже, может быть, нынешнего.

– Так утверждает генерал Фромм, – объявляет Бек, доселе старавшийся не вмешиваться в их разговор. – Он лично беседовал с Кейтелем по телефону.

– В моем присутствии, – дополняет Ольбрихт. – И при мне Кейтель заверил командующего, что фюрер не только не погиб, но и вообще не пострадал. Если не считать двух-трех ссадин, которые он мог получить и без взрыва, по неосторожности.

¹¹ Хельмут Штифф – генерал-майор, начальник организационного отдела генерального штаба сухопутных войск Германии. Один из активных участников заговора. Казнен в 1944 году вместе с другими заговорщиками.

– Это ложь! – вспыхивает Штауффенберг. – Они лгут, чтобы выиграть время, разобратся в ситуации и перехватить инициативу. Возможно, Кейтель и уцелел. Вдруг он тоже вышел, пытаясь найти меня или по другой надобности. Но фюрер-то оставался там. И бомба взорвалась буквально у него под ногами. Я сидел вторым от него. После полковника Брандта. И портфель оставил под столом, у стойки. Со стороны фюрера. Это бомба, господа генералы, а не хлопушка. И она взорвалась.

– Все это – подробности... – мрачно отводит взгляд в сторону Ольбрихт. – Но я не слышу главного.

– Чего? – потрясен его неблагодарностью Штауффенберг. Пусть бы кто-нибудь другой вместо него... пусть бы сам Ольбрихт подрожал, пронося в ставку фюрера взрывное устройство. Вставляя в него запал и подкладывая под стол, почти под подбородок Гитлера. А затем попытался прорваться через КПП. Кто из них, этих болтунов-заговорщиков, решился бы на такое?! – Чего еще вы ждете от меня?! – теряет полковник всякое чувство меры и такта.

– Мне почему-то казалось, что вы сумеете убедить нас, – не замечает его взвинченности Ольбрихт. – Честно говоря, я на это надеялся. Поскольку тоже был уверен, что Кейтель лжет, выигрывая время.

– Вы уехали из ставки еще до того, как стали известны результаты покушения, разве не так? – вмешивается Бек.

– А кто бы мне позволил уехать из «Волчьего логова» после того, как они стали бы известными?

– То есть я хотел сказать, что тела фюрера вы, лично вы, не видели, и видеть не могли.

– И тем не менее бросил его труп к вашим ногам. Избавив от этой гнили всю Германию.

– Сейчас не время предаваться патетике, – охлаждает его Ольбрихт. – Меня очень смущает, что второго звонка Фельгибеля не последовало. Хотя мы просили его.

– Потому что он, очевидно, взорвал узел связи. Как и было предусмотрено... Или попросту вывел его из строя, чтобы отрезать ставку от Германии.

– Но Кейтель тем не менее отвечал по телефону, – замечает Бек, – Следовательно, связь работает.

– Наш спор ничего не даст и ни к чему не приведет. Нужно действовать, – размахивает тремя растопыренными пальцами уцелевшей руки Штауффенберг. – Итак, Фромм здесь. Он говорил с Кейтелем. Что дальше?

– Он отказался участвовать в операции «Валькирия», – отвечает Ольбрихт. – И даже слышать о ней не желает. Делает вид, что вообще не в курсе. По крайней мере до тех пор, пока не убедится. Кстати, Кейтель интересовался вашей особой, полковник. Думаю, они подозревают вас.

– Еще бы не подозревать! Все основания.

– Но Фромм относительно вас был не в курсе. Раньше вашей фамилии ему не называли.

– Иначе я беседовал бы уже не с вами, а с людьми Мюллера. Или Скорцени.

– Скорцени? – почему-то встревожился Ольбрихт. – При чем здесь Скорцени? Впрочем, фюрер... если он, конечно, жив, вполне может перебросить сюда этого головореза с его командос. В то время как никакого прикрытия у нас нет.

– До сих пор.

– Но мы уже приказали поднять офицерские училища. В некоторые части тоже поступил наш сигнал о начале операции. Так что мы все же действуем.

– «Действуем», – саркастически ухмыльнулся Штауффенберг. – Это не действия, это, извините, предпогибельная возня.

14

Геринг появился в гардеробной фюрера, когда тот уже смыл под душем гарь и пыль и переделся в новый мундир.

– Это должно было произойти, Герман, – устало произнес Гитлер, брезгливым движением руки прекращая старания врача, аккуратно обрабатывавшего каким-то раствором ссадины на подбородке. – Я предчувствовал, что они выслеживают меня, готовя последний выстрел.

– Я был потрясен, мой фюрер, – вальяжно раскинул руки тучный министр – президент Пруссии. – Чего же стоит вся наша служба безопасности, вся охрана ставки, если эти негодяи проносят бомбу прямо в зал совещания?! Должна же существовать какая-то грань, которую не мог бы переступить ни один ваш ненавистник.

– Ее не существует, Герман, – в последнее время отношения их были натянутыми, и Гитлер уже давно не принимал у себя рейхсмаршала, а тем более – не обращался к нему по имени, как это было прежде. – Мне неизвестно, сколько раз в течение двух последних лет эти твари пытались устроить на меня покушение, но упорно кажется, что всякий раз я предчувствовал... Всякий раз, Геринг! – выкрикнул он таким угрожающим тоном, словно предупреждал: «И не пытайтесь организовать еще одно, рейхсмаршал! Все равно у вас ни черта не получится!» – Это не просто моя интуиция... – Гитлер прошелся по небольшой, довольно скромно обставленной комнате, шаги в которой глушил толстый, неярко раскрашенный персидский ковер, и остановился у висевшей на стене, рядом с окном, картины Фойербаха «Нана» – которую в последний момент, уезжая из ставки «Бергхоф», захватил с собой. – Есть что-то такое, Герман, что удерживает и хранит меня в этом мире. Сейчас я верю в это, как никогда. Удерживает и хранит ради того дела, которое задумано Высшими Силами.

– В этом просто невозможно усомниться.

– Взгляните, вон... – указал Гитлер на стол, где были разложены совершенно изодранные брюки и запыленный известкой, обожженный китель, на спинной части которого божественной меткой зияла внушительная квадратная дыра. – Могу ли я простить им это, Геринг?

– Это невозможно.

– И я никогда не прощу им, рейхсмаршал! – воинственно помахал пальцем перед толстым лицом Геринга, будто шеф военно-воздушных сил отговаривал его от мести. – Где сейчас Скорцени?

– Простите, фюрер, – Геринг непонимающе уставился на Гитлера. – Вы подозреваете, что это...

– Я могу подозревать кого угодно. Даже Господа Бога. Где он сейчас?

– Не... припоминаю, чтобы видел его сегодня в расположении ставки, – нервно повел шеей рейхсминистр, поправляя вспотевшими пальцами легкий китель своего белого с желтым отливом маршальского мундира. – Значит, вы считаете, что покушение связано с ним?

Какое-то время фюрер и рейхсмаршал оцепенело смотрели друг на друга: один – будучи твердо уверенным, что «первый диверсант рейха» попал под опальное подозрение; второй – пораженный самой мыслью о том, что кто-то может заподозрить в этом «героя нации».

«Кто угодно, только не он, – было начерчено в расширившихся от страха белесых глазах Гитлера. – Кто угодно, только не Скорцени».

– Послушайте, Геринг, – неожиданно перешел фюрер на официальный желчный тон. – Если покушение подготовил не самоубийца-одиночка, то могут возникнуть имена десятков, сотен его единомышленников и сочувствующих. Но я не желал бы – вы слышите меня, Геринг? – не желал бы, чтобы в связи со всей этой мрачной историей в числе подозреваемых, пусть даже вскользь, упоминалось имя Скорцени. Без достаточных на то оснований.

– Я понял вас, фюрер.

– Но даже если окажется, что основания есть, я сам, только я, могу определять степень его виновности, а следовательно, его судьбу.

– Только так, – поспешил заверить его Геринг, понимая, что опять умудрился испортить отношения с фюрером, которые уже как бы заново налаживались.

– Скажу тебе по секрету, Герман... Я прикидывал. Если, бы за это страшное дело взялся Скорцени, от «Вольфшанце» уже не осталось бы даже руин, а мы с вами сидели бы там, откуда недавно увезли Муссолини.

– Если бы во главе заговорщиков стоял этот штурмбаннфюрер... – охотно согласился рейхсмаршал.

В эту минуту дверь отворилась, и в нее, пригибая голову, словно в низенькую фронтную землянку, протиснулась рослая, плечистая фигура личного адъютанта и телохранителя Гитлера обергруппенфюрера Юлиуса Шауба.

– Муссолини, – зычным голосом дворецкого огласил он.

– Кто? – изумленно уставился на него Гитлер.

Гитлер знал, что своим адъютантским лаконизмом обергруппенфюрер превзошел всех донныне известных молчунов и монахов-затворников. Любая попытка поговорить с ним превращалась для фюрера в репетицию допроса у следователя гестапо. Но все же бывали случаи, когда Шауб превосходил самого себя. Доклад, с которым адъютант явился сейчас к фюреру, прекрасно продемонстрировал это.

– Кажется, вы что-то сказали о Муссолини, – пришел на помощь фюреру Геринг. Он не то чтобы недолюбливал Шауба. Точнее было бы сказать, просто ревновал его к фюреру. Такой взлет: уже обергруппенфюрер! Такая приближенность: личный адъютант! Кто не приревнует?

А главное, Шауб, в отличие от начальника личной охраны группенфюрера Раттенхубера¹², стремился к еще большему влиянию на вождя. Правда, Геринг никогда не забывал, что Шаубу пришлось посидеть вместе с фюрером в ландсбергской тюрьме, как никто иной, он мог считать себя истинным ветераном национал-социалистического движения и соратником фюрера. Тем не менее...

– Прибыл Муссолини, – не обратил Шауб внимания на главнокомандующего люфтваффе. Он служил фюреру. Видел только фюрера. Слышал только фюрера. Подчинился и обожал только фюрера. В этом в ставке уже никто не смел усомниться. – Он ждет. Встреча была намечена.

– Ах да, он должен был прибыть, – спохватился Гитлер.

– Должен, – подтвердил Шауб.

– Он знает, что здесь произошло?

– Знает.

– Я появлюсь через десять минут.

– Через десять, – бесстрастно повторил Шауб. К его манере повторять сказанное собеседником Гитлер успел привыкнуть еще там, в камере тюрьмы. Юлиус словно бы опасался, что забудет, о чем речь. Однако, повторяя, все равно сразу же забывал.

«Женщины обожают этого мавра за его недоумковатость, – объяснил себе Геринг, умиленно созерцая диалог двух бывших сокамерников. Появился бы еще телохранитель фюрера группенфюрер Раттенхубер, который в качестве полицейского охранял их камеру, и в апартаментах фюрера разыгрался бы неподражаемый фарс. – Кто бы мог поверить тогда, что о тайных оргиях Шауба, этого полууголовника, с высокопоставленными немками будет судачить вся берлинская элита? В том числе – эсэсовская».

¹² Начальник личной охраны Гитлера группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Раттенхубер был взят в плен советскими войсками 2 мая 1946 года. Он находился в бункере фюрера до последних минут его жизни. Показания Раттенхубера во время следствия по его делу являются ценным свидетельством, раскрывающим жизнь бункера в последние дни Третьего рейха.

– Геринг, – заторопился Гитлер, как только Шауб наконец удалился умственно переживать услышанное. – Вы должны немедленно связаться с Берлином, разыскать Скорцени и отдать ему мой личный приказ... – Фюрер замялся, пытаясь как-то облачить свою решительность в словесную оболочку.

– Ваш личный приказ... – не удержался Геринг. И хотя это вырвалось у него случайно, рейхсмаршал сразу же заметил, что, по существу, скопировал Шауба.

– Словом, скажите ему, пусть приступает... Так и скажите ему. Скорцени поймет. Это мой приказ. Он должен... Мы еще не знаем, какие силы замешаны в заговоре. Где его центр и каковы истинные планы путчистов. Его миссия – заняться этим центром. Найти, раскрыть, искоренить... – Гитлер вновь запнулся и лихорадочно ощупал саднящее лицо. Руки его при этом дрожали, а движения туловища казались нескоординированными.

– Я скажу Скорцени, что он может приступать, – вновь пришел ему на помощь Геринг. – Скорцени из тех парней, которым дважды повторять не нужно.

Фюрер внимательно присмотрелся к выражению лица командующего люфтваффе. Ему очень не хотелось обнаружить хотя бы малой доли иронии. И Гитлер не обнаружил ее. Мало того, он вспомнил, что во время чествования Скорцени по случаю завершения операции по освобождению Муссолини Геринг снял с этого же парадного мундира «Золотой почетный знак летчика» и приколот к груди диверсанта. «Ваш подвиг, штурмбаннфюрер, – сказал он тогда, – войдет не только в историю германской диверсионной службы, но и в историю германской авиации».

– Вы не должны завидовать ему, Геринг, – неожиданно произнес Гитлер, взбудораженный этими, в общем-то безобидными, воспоминаниями.

– Исключено, мой фюрер. Я уважаю этого офицера. Он напоминает мне меня самого в былые годы.

– О приказе, который вы отдадите Скорцени, в ставке не распространяться. Я почти уверен, что среди заговорщиков есть и люди из моего ближайшего окружения. Иначе они не смогли бы вот так...

– Не смогли бы.

– В центре путчистов не должны знать, откуда на них грянет гром.

– Откуда он неминуемо грянет, – воодушевленно повторил Геринг, довольный тем, что отдать этот приказ фюрер доверил не Гиммлеру и не Кальтенбруннеру. Рейхсмаршал узрел в этом обнадеживающий признак: кажется, к нему возвращается былая благосклонность Гитлера¹³.

¹³ Исторический факт. Приказ приступить к разгрому путчистов, а также первую достоверную информацию о случившемся в тот день в «Волчьем логове» Отто Скорцени, вернувшийся к тому времени в Берлин, получил именно от Геринга. Который, кстати, в случае гибели фюрера еще вполне реально претендовал тогда на его место в государственной и партийной иерархии. Возможно, фюрер обратился к посредничеству Геринга, подозревая Гиммлера хотя бы в косвенной причастности к заговору, о котором Гиммлер действительно знал.

15

– Вы уверены, что сигнал «Валькирия» поступает в части, училища и вообще туда, куда ему следует поступать?

– Он поступает, – пожал плечами Ольбрихт. – И, насколько мне известно, куда следует.

– А Фромм?

– Что Фромм?

– Генерал Фромм, что... все это время сидит сложа руки и ничего не предпринимает? – прицеливается в него единственным глазом полковник Штауффенберг. – Это он называет генералам и полковникам условный сигнал? Распоряжения уходят от его имени?

Ольбрихт задумался. Он понимал, о чем ведет речь Штауффенберг, куда клонит. В свете телефонных звонков, которые обрушились на них в связи с настойчивыми запросами заговорщиков, находящихся в разных концах Берлина, Германии и даже за ее пределами, они как-то совершенно упустили из вида командующего армией резерва. Да и командующий тоже умудрялся присутствовать, не присутствуя.

– Нам придется еще раз переговорить с Фроммом, – решается Ольбрихт, обращаясь к Беку.

– И как можно скорее, – согласился тот.

– Если он подключится более активно, мы победим.

– Ему нужен труп фюрера, без этого он пальцем не пошевелит.

– А что Париж? – настороженно взглянул Бек в сторону Штауффенберга. Говорить о трупке ему не хотелось.

– Да, Париж... Я лично переговорил с полковником из штаба Штюльпнагеля. Там уже обо всем знают. Но в гибели фюрера сомневаются еще сильнее, чем здесь, в Берлине.

– Чем дальше от Берлина, тем сомнения сильнее. Странная закономерность, – говорит Ольбрихт.

– Но я дал им понять, что пора действовать, а не высматривать покойников.

– И что же?

– А то, что я прямо сказал им: все то время, которое они могли потерять, они уже потеряли, и настало время действовать, независимо от того, что произошло в «Волчьем логове».

Генералы переглянулись: убедительно.

– Штюльпнагель – человек решительный, – неуверенно проговорил Ольбрихт. Если бы только его решительность поскорее преобразовывалась в столь же решительные приказы.

– Мы получили бы в свое распоряжение Францию со всеми находящимися там войсками, – поддержал его Бек.

– Почти со всеми.

– И тогда штаб генерала Штюльпнагеля мог бы действовать самостоятельно, даже в том случае, если бы в Германии попытка переворота завершилась полным провалом.

– Не поговорить ли нам еще и с самим Штюльпнагелем, господин Бек?

– Это должен сделать я?

Ольбрихт замаялся и взглянул на полковника-террориста. Только он знает подробности, только ему Штюльпнагель поверит.

– В его штабе служит мой кузен, – пришел ему на помощь граф фон Штауффенберг. – Я уже беседовал с ним. Он не предаст и не подведет.

– То есть он уведомит нас в том случае, если Штюльпнагель откажется от решительных действий, – расшифровал сказанное им Ольбрихт. – Значит, пока что нам с генералом Беком действительно пора заняться Фроммом.

– Не удастся окончательно привлечь его на свою сторону – придется изолировать, – у краев шершавых губ Штауффенберга появилась суровая складка. – Мы должны действовать более уверенно, а не ждать, что там в конечном итоге сообщат из ставки Гитлера.

– Вот мы и пойдем, чтобы действовать «уверенно», – вызывающе взглянул на него Ольбрихт и, по привычке одернув китель, первым направился к кабинету командующего.

Пока они проходили через те несколько смежных комнат, что соединяли кабинеты Ольбрихта и Фромма, на пути их возник начальник штаба Ольбрихта полковник Мерц фон Квиринхейм. Этот невысокого роста, крутоплечий здоровяк с холеным аристократическим лицом был крайне возбужден.

– Я только что осмотрел охрану, господин генерал, – обращается он к Ольбрихту. – Обещанная командованием танкового училища рота охраны нашего здания так и не прибыла. Курсантов пехотного училища тоже не видно.

– Так кто же нас охраняет? – почти испуганно спрашивает Бек, поглядывая то на Квиринхейма, то на Ольбрихта.

– По существу никто, – заявляет Квиринхейм.

– Что вы хотите этим сказать? – еще пуще бледнеет Бек.

– А то, что, по моим наблюдениям, посты не только не усилены, но и ослаблены. Часовые настороженно перешептываются. А ведь у нас почти нет солдат. Кроме тех, что стоят на постах у входа и въездных ворот, и которые, собственно, пока ни о чем не знают. Им может командовать любой унтер-офицер.

– Особенно если он эсэсовец, – мстительно, прямо в лицо Ольбрихту, смеется Штауффенберг. Его вновь одолевает мысль, которая зародилась во время разговора со своим кузеном Хофакером из парижского штаба Штюльпнагеля. Когда тот в ходе разговора неожиданно спросил: «Так кто же возглавляет нас теперь?», Штауффенберг так же неожиданно, не только для спрашивающего, но и для самого себя, отрубил: «А никто».

«Не может такого быть». – «Не должно». – «Не смогли распределить роли?» – осторожно поинтересовался Хофакер, стараясь не раскрывать сути вопроса и круг лиц, о которых идет речь. – «По-моему, они вообще не определились. Но это между нами. У нас теперь нет выбора. Нужно действовать. Со своим командующим ты должен говорить значительно решительнее, чем со мной». – «Само собой, Клаус. Но что дальше?» – «Возможно, мне придется самому определить свою собственную роль во всем том бедламе, что творится здесь сейчас». – «На это я и пытался намекать тебе».

Тот мстительный смех, которым Штауффенберг встретил сейчас признание полковника Квиринхейма, был отголоском раздумий, возникших после разговора с Парижем. Если бы не эти генералы с их идиотскими терзаниями и стенаниями по поводу присяги фюреру, которую они, видите ли, не могут нарушить до тех пор, пока он жив...

Но что мог поделать Штауффенберг? Перестрелять их и взять командование на себя? А кто его воспримет всерьез, мало кому известного полковника, лишь недавно обосновавшегося в штабе Фромма на непонятно каких ролях? Или, может, каждому собеседнику объяснять: «То есть что значит, кто я такой? Я – тот, кто убил фюрера!.. Или пытался убить», – с грустью добавил Штауффенберг.

– Еще раз свяжитесь с пехотным училищем в Деберице, – потребовал Ольбрихт от Квиринхейма. – Генерал фон Хитцфельд специально готовил училище к этому дню. Там даже была проведена учебная тревога. На тот случай, если вдруг придется участвовать в восстановлении порядка в Берлине.

– Уже звонил. Генерала нет.

– Но есть полковник Мюллер, его заместитель.

– Полковника тоже нет. Там просто не с кем говорить.

– Это измена, – упавшим голосом констатирует Бек. – Ольбрихт, когда мы решались на эту операцию, все выглядело по-иному. Вы меня разочаровываете, генерал Ольбрихт.

– Наконец-то я слышу голос президента Германии, – сухо отрубил Ольбрихт, как бы спрашивая этим: «А что сделали, на что решились, чем помогли вы, господин Бек?»

– Все значительно проще, – объясняет Штауффенберг. – Они попросту не информированы, что переворот состоится именно сегодня. Если бы мы решились хотя бы несколькими особо доверенным офицерам, имеющим в своем распоряжении солдат или курсантов, сообщить о дне – их не пришлось бы разыскивать сейчас по всему Берлину.

– Полковник фон Квиринхейм, – цедит сквозь стиснутые зубы Ольбрихт. – Связывайтесь с кем угодно. Телефоны вам известны. Если мы не в состоянии взять в свои руки Берлин, позаботьтесь хотя бы о надежном прикрытии здания. В противном случае взвода эсэсовцев вполне хватит, чтобы перестрелять всех нас в течение десяти минут.

– До сих пор не пойму, почему эсэсовцы все еще не добрались до нас, – пожимает плечами фон Квиринхейм. – По логике событий, они уже давно должны находиться здесь. Особенно те, из гестапо.

– Непростительная нерасторопность, – соглашается Бек.

16

Узнав о покушении на фюрера, опальный премьер-министр Италии Бенито Муссолини воспрял духом. Из машины, доставившей его от аэродрома до растенбургской штаб-квартиры Гитлера, он вышел с гордо вскинутым подбородком, и основательно расплывшийся под влиянием лет псевдоримский профиль его впервые после свержения кое-как сформировался и застыл в маске снисходительной надменности.

Все то время, что прошло после его освобождения из плена, Муссолини чувствовал себя подобранной на улице и пригретой дворнягой, которой только и позволено, что лежать на коврик у двери и время от времени полизывать ботинок своего добродетеля. Хотя теперь он вновь возглавлял какое-никакое правительство Итальянской республики, весьма условно обозначенной севером Италии, тем не менее ощущал себя в горной резиденции в Рокка делла Каминате, расположенной на берегу озера Гарда, все тем же «спасенным и обязанным», до встречи с которым фюрер еще иногда может снисходить, но которого никто в Берлине и «Вольфшанце» на равных уже не воспринимает.

Именно таким, «униженно воспринятым», Муссолини и прибыл сегодня в «Волчь логово», с волнением размышляя о том, соизволит ли фюрер побеседовать с ним еще сегодня или же придется слоняться по ставке, коротая время со словоохотливым Герингом и цинично-холодным Гиммлером, стремившимся любой разговор с ним превратить в нравоучительный инструктаж, повторяя то же самое, о чем почти ежедневно толкует с ним личный представитель Гитлера, высший фюрер СС и полиции в Италии обергруппенфюрер Карл Вольф. Который, в свою очередь, повторяет наставления своего шефа, только в несколько иной, вежливо-ироничной форме.

И вдруг это покушение! В день его, Муссолини, официального визита.

Узнав о нем, дуче вначале ужаснулся: здесь, в Восточной Пруссии, творится то же, что еще недавно происходило в Италии! Но поняв, что фюрер спасен, а, значит, переворот в Германии будет подавлен и все останется как было, сразу приободрился. Оказывается, не любят не только его, Муссолини. Фюрера тоже... Наконец-то не ему, а он сам будет выражать сочувствие. Не фюрер его, а он фюрера, пусть даже мысленно, сможет снисходительно похлопать по плечу: «Крепитесь, господин Гитлер. Нас оценит история. Разве эти неблагодарные варвары способны понять, что мы значим каждый для своей страны и что вместе мы значим для Европы, для установления на земле нового миропорядка!»

– Я знаю, что произошло, господин Гитлер, – несколько неуклюже начал он, когда фюрер встретил его в зале для официальных приемов. – Я содрогаюсь при мысли, что у кого-то поднялась рука, – пытался войти в роль утешающего покровителя, хотя сразу же почувствовал: не те слова, не те... Да и тон, в котором они произнесены...

Однако, натолкнувшись на застывшие – словно извлеченные из холодильника подтаявшие устрицы – глаза фюрера, умолк, точно так же, как умолкали сегодня все, кто представал перед хозяином «логова».

– Я воспринимаю все это несколько иначе, – окончательно развеял его настроение Гитлер.

Подходя к дуче, чтобы пожать руку, он двигался, как неумелый наездник, только что сползший с неоседланного, необъезженного коня. Мощный взрыв в «ситуационном бараке» привел к тому, что под влиянием сильнейшего стресса непрерывная дрожь в левой коленке каким-то чудодейственным образом унялась, зато из обеих ног врачу пришлось извлечь добрый десяток мельчайших щепок. Оставленные ими мелкие ранки все еще саднили, некоторые даже слегка кровоточили, однако Гитлер пытался не замечать этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.